

К.МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС

**Манифест
коммунистической
партии**

**Принципы
коммунизма**

**Критика Готской
программы**

Ф. ЭНГЕЛЬС
Принципы коммунизма

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
Манифест
Коммунистической партии

К. МАРКС
Критика Готской программы

МЛРД «Рабочий путь»
2019 г.

В настоящую брошюру включены важнейшие произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых с гениальной ясностью изложены основные идеи марксизма.

В «Принципах коммунизма» Ф. Энгельс кратко излагает историю возникновения и развития капитализма и пролетариата, доказывает необходимость ликвидации частной собственности на средства производства и необходимость революционного низвержения капиталистического способа производства. «Принципы коммунизма» представляют собой непосредственную подготовку великого программно-документа марксизма — «Манифеста Коммунистической партии».

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в общественной науке определили место капиталистической формации в истории человечества, показали её прогрессивность по сравнению с предшествовавшими формациями и неизбежность её гибели, открыли и всесторонне обосновали всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика капиталистического общества и строителя коммунизма, единственного до конца последовательного революционного класса, выступающего в интересах всех трудящихся.

В «Критике Готской программы», являющейся образцом борьбы против оппортунизма, К. Маркс рассматривает коренные вопросы теории научного коммунизма: о социалистической революции, диктатуре пролетариата, о переходном периоде от капитализма к социализму, двух фазах коммунистического общества, о производстве и распределении общественного продукта при социализме и основных чертах высшей фазы коммунистического общества, о пролетарском интернационализме и партии рабочего класса.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

ПРИНЦИПЫ КОММУНИЗМА*

1-й вопрос: Что такое коммунизм?

Ответ: Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата.

2-й вопрос: Что такое пролетариат?

Ответ: Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, — класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века.

* Работа Ф. Энгельса «Принципы коммунизма» представляет собой проект программы Союза коммунистов. Вопрос о составлении программы в форме катехизиса (в виде вопросов и ответов) обсуждался еще до первого конгресса, на котором Союз справедливых был реорганизован и переименован в Союз коммунистов (июнь 1847 г.). В сентябре 1847 г. лондонский Центральный комитет Союза коммунистов (Шаппер, Бауэр, Молль) разослал проект «Коммунистического катехизиса» округам и общинам Союза. Этот документ, носивший следы влияния утопического социализма, не удовлетворил Маркса и Энгельса, так же как и «исправленный» проект, составленный в Париже «истинным социалистом» М. Гессом. 22 октября на заседании окружного комитета Союза коммунистов в Париже Энгельс подверг проект Гесса резкой критике и добился его отклонения. Энгельсу было поручено составить новый проект. Этим проектом и явились написанные вскоре «Принципы коммунизма».

Рассматривая «Принципы коммунизма» лишь как предварительный набросок программы, Энгельс в письме к Марксу от 23–24 ноября 1847 г. высказал мысль о целесообразности составить программу в виде письма к Марксу от 23–24 ноября 1847 г. высказал мысль о целесообразности составить программу в виде «Коммунистического манифеста», отбросив устаревшую форму катехизиса. Второй конгресс Союза коммунистов (29 ноября — 8 декабря 1847 г.), на котором Маркс и Энгельс отстаивали научные основы программы пролетарской партии, поручил им выработать программу в виде манифеста. При написании «Манифеста Коммунистической партии» основоположники марксизма использовали ряд положений, выдвинутых в «Принципах коммунизма».

3-й вопрос: Значит, пролетарии существовали не всегда?

Ответ: Нет, не всегда. Бедные и трудящиеся классы существовали всегда, и обычно трудящиеся классы пребывали в бедности. Но такие бедняки, такие рабочие, которые жили бы в только что указанных условиях, т. е. пролетарии, существовали не всегда, так же как не всегда конкуренция была вполне свободной и неограниченной.

4-й вопрос: Как возник пролетариат?

Ответ: Пролетариат возник в результате промышленной революции, которая произошла в Англии во второй половине прошлого века и после этого повторилась во всех цивилизованных странах мира. Эта промышленная революция была вызвана изобретением паровой машины, различных прядильных машин, механического ткацкого станка и целого ряда других механических приспособлений. Эти машины, которые стоили очень дорого и поэтому были доступны только крупным капиталистам, изменили весь существовавший до тех пор способ производства и вытеснили прежних рабочих, ибо машины изготовляли товары дешевле и лучше, чем могли их сделать рабочие с помощью своих несовершенных прялок и ткацких станков. Таким путем эти машины отдали промышленность целиком в руки крупных капиталистов и совершенно обесценили ту ничтожную собственность, которая принадлежала рабочим (инструменты, ткацкие станки и т. д.), так что капиталисты вскоре все захватили в свои руки, а у рабочих не осталось ничего. Тем самым в области изготовления тканей введена была фабричная система. — Как только был дан толчок к введению машин и фабричной системы, последняя быстро распространилась и во всех остальных отраслях промышленности, особенно в области набивки тканей, в книгопечатании, в гончарном производстве и в производстве металлических изделий. Труд стал все больше и больше разделяться между отдельными рабочими, так что рабочий, который раньше выполнял всю работу целиком, теперь стал делать только часть ее. Это разделение труда позволило изготавливать продукты быстрее, а потому и дешевле. Оно свело деятельность каждого рабочего к одному какому-нибудь, весьма простому, постоянно повторяющемуся, механическому приему, который с таким же успехом, и даже значительно лучше, мог выполняться машиной. Таким путем все эти отрасли промышленности, одна за другой, подпали под власть пара, машин и фабричной системы, точно так же, как это имело место в прядильном и ткацком производстве. Но тем самым они целиком

переходили в руки крупных капиталистов, и рабочие также и здесь лишались последних остатков своей самостоятельности. Постепенно фабричная система распространила свое господство не только на мануфактуру в собственном смысле этого слова, но стала все более и более завладевать также и ремеслом, так как и в этой области крупные капиталисты все более вытесняли мелких мастеров, устраивая большие мастерские, в которых можно было достигнуть экономии на многих расходах и также ввести детальное разделение труда. В результате, мы пришли теперь к тому, что в цивилизованных странах почти во всех отраслях труда утвердилось фабричное производство и почти во всех этих отраслях ремесло и мануфактура вытеснены крупной промышленностью. — Вследствие этого прежнее среднее сословие, в особенности мелкие ремесленные мастера, все более разоряется, прежнее положение работника совершенно меняется и создаются два новых класса которые постепенно поглощают все прочие. А именно:

I. Класс крупных капиталистов, которые во всех цивилизованных странах уже в настоящее время являются почти единственными владельцами всех жизненных средств, а также сырья и орудий (машин, фабрик и т. п.), необходимых для их производства. Это класс буржуа, или буржуазия.

II. Класс совершенно неимущих, которые вследствие этого вынуждены продавать буржуа свой труд, чтобы взамен получать необходимые для их существования средства к жизни. Этот класс называется классом пролетариев, или пролетариатом.

5-й вопрос: При каких условиях совершается эта продажа труда пролетариев буржуа?

Ответ: Труд — такой же товар*, как и всякий другой, и цена его определяется теми же законами, как и цена всякого другого товара. При господстве крупной промышленности или свободной конкуренции, — что, как мы увидим дальше, есть одно

* Товаром является не труд, а рабочая сила пролетария — его способность к труду. Энгельс здесь ошибается. Дело в том, что данная работа была написана Энгельсом в 1847 году, а теория прибавочной стоимости в законченном виде была создана К. Марксом в конце 50-х годов XIX века. В произведениях, написанных до этого времени, Маркс, а вслед за ним и Ф. Энгельс, еще использовали такие понятия, как «стоимость труда», «цена труда» и др., которые, как отмечал впоследствии Энгельс во введении к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал», «с точки зрения позднейших работ являются неудачными и даже неверными» (К. Маркс «Наемный труд и капитал. Заработная плата, цена и прибыль.», МЛРД «Рабочий путь», 2018 г., стр. 3.). Позднее Марксом было установлено, что рабочий продает капиталисту не свой труд, а свою рабочую силу, и поэтому понятия «стоимость труда», «цена труда» и др. были заменены Марксом и Энгельсом понятиями «стоимость рабочей силы», «цена рабочей силы» и др. Ред.

и то же, — цена товара в среднем всегда равняется издержкам производства этого товара. Следовательно, цена труда тоже равна издержкам производства труда, а издержки производства труда состоят именно из того количества жизненных средств, которое необходимо, чтобы рабочий был в состоянии сохранять свою трудоспособность и чтобы рабочий класс не вымер. Более, чем нужно для этой цели, рабочий за свой труд не получит; цена труда, или заработная плата, будет, следовательно, самой низкой, составит тот минимум, который необходим для поддержания жизни. Но так как в делах бывают то лучшие, то худшие времена, рабочий будет получать то больше, то меньше, совершенно так же, как фабрикант получает то больше, то меньше за свой товар. И как фабрикант в среднем, если взять хорошие и плохие времена, все-таки получает за свой товар не больше и не меньше, чем издержки производства, так и рабочий в среднем получит не больше и не меньше этого минимума. Этот экономический закон заработной платы будет осуществляться тем строже, чем больше крупная промышленность будет овладевать всеми отраслями труда.

6-й вопрос: Какие трудящиеся классы существовали до промышленной революции?

Ответ: Трудящиеся классы, в зависимости от различных ступеней общественного развития, жили в различных условиях и занимали различное положение по отношению к имущим и господствующим классам. В древности трудящиеся были рабами своих хозяев, подобно тому как они являются рабами еще и теперь во многих отсталых странах и даже в южной части Соединенных Штатов. В средние века они были крепостными дворян-землевладельцев, каковыми остаются и по сей день еще в Венгрии, Польше и России. Кроме того, в городах в средние века, вплоть до промышленной революции, существовали ремесленные подмастерья, работавшие у мелкобуржуазных мастеров, а с развитием мануфактуры стали постепенно появляться мануфактурные рабочие, которых нанимали уже более крупные капиталисты.

7-й вопрос: Чем отличается пролетарий от раба?

Ответ: Раб продан раз и навсегда, пролетарий должен сам продавать себя ежедневно и ежечасно. Каждый отдельный раб является собственностью *определенного* господина, и, уже вследствие заинтересованности последнего, существование раба обеспечено, как бы жалко оно ни было. Отдельный же пролетарий является, так сказать, собственностью всего класса буржуазии. Его труд покупается

только тогда, когда кто-нибудь в этом нуждается, и поэтому его существование не обеспечено. Существование это обеспечено только классу пролетариев в целом. Раб стоит вне конкуренции, пролетарий находится в условиях конкуренции и ощущает на себе все ее колебания. Раб считается вещью, а не членом гражданского общества. Пролетарий признается личностью, членом гражданского общества. Следовательно, раб может иметь более сносное существование, чем пролетарий, но пролетарий принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам стоит на более высокой ступени, чем раб. Раб освобождает себя тем, что из всех отношений частной собственности уничтожает одно только отношение рабства и благодаря этому тогда только становится пролетарием; пролетарий же может освободить себя, только уничтожив частную собственность вообще.

8-й вопрос: Чем отличается пролетарий от крепостного?

Ответ: Во владении и пользовании крепостного находится орудие производства, клочок земли, и за это он отдает часть своего дохода или выполняет ряд работ. Пролетарий же работает орудиями производства, принадлежащими другому, и производит работу в пользу этого другого, получая взамен часть дохода. Крепостной отдает, пролетарию дают. Существование крепостного обеспечено, существование пролетария не обеспечено. Крепостной стоит вне конкуренции, пролетарий находится в условиях конкуренции. Крепостной освобождает себя либо тем, что убегает в город и становится там ремесленником, либо тем, что доставляет своему помещику вместо работы или продуктов деньги, становясь свободным арендатором, либо тем, что он прогоняет своего феодала, сам становясь собственником. Словом, он освобождает себя тем, что так или иначе входит в ряды класса, владеющего собственностью, и вступает в сферу конкуренции. Пролетарий же освобождает себя тем, что уничтожает конкуренцию, частную собственность и все классовые различия.

9-й вопрос: Чем отличается пролетарий от ремесленника?*

10-й вопрос: Чем отличается пролетарий от мануфактурного рабочего?

Ответ: Мануфактурный рабочий XVI—XVIII веков почти повсюду владел еще орудиями производства: своим ткацким

* Далее у Энгельса в рукописи пробел, оставленный им для ответа на 9-й вопрос. Ред.

станком, прялкой для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы. У пролетария ничего этого нет. Мануфактурный рабочий живет почти всегда в деревне и находится в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем. Пролетарий большей частью живет в больших городах и с работодателем его связывают чисто денежные отношения. Крупная промышленность вырывает мануфактурного рабочего из его патриархальных условий; он теряет последнее имущество, каким еще обладал, и только тогда превращается в силу этого в пролетария.

11-й вопрос: Каковы были ближайшие последствия промышленной революции и разделения общества на буржуа и пролетариев?

Ответ: Во-первых, вследствие того, что машинный труд все более понижал цены на изделия промышленности, во всех странах света прежняя система мануфактуры, или промышленности, основанной на ручном труде, была целиком разрушена. Все полуварварские страны, которые до сих пор оставались более или менее чуждыми историческому развитию и промышленность которых до сих пор покоилась на мануфактуре, были таким путем насильственно вырваны из своего состояния замкнутости. Они стали покупать все более дешевые товары англичан и обрекли на гибель своих собственных мануфактурных рабочих. Таким образом, страны, которые в течение тысячелетий не знали прогресса, как, например, Индия, подверглись полной революции, и даже Китай в настоящее время идет навстречу революции. Дошло до того, что новая машина, которая сегодня изобретается в Англии, за один год лишает хлеба миллионы рабочих в Китае. Таким образом, крупная промышленность связала между собой все народы земли, объединила все маленькие местные рынки во всемирный рынок, подготовила всюду почву для цивилизации и прогресса и привела к тому, что все, что совершается в цивилизованных странах, должно оказывать влияние на все остальные страны; так что, если теперь в Англии или во Франции рабочие себя освободят, то во всех других странах это должно вызвать революции, которые рано или поздно приведут также и там к освобождению рабочих.

Во-вторых, всюду, где крупная промышленность сменила мануфактуру, промышленная революция в чрезвычайной мере умножила богатство и могущество буржуазии и сделала ее первым классом в стране. Результатом этого было то, что повсюду, где совершился такой процесс, буржуазия получила в свои руки политическую власть и вытеснила классы, которые господствовали до тех

пор, — аристократию, цеховое бюргерство и представлявшую тех и других абсолютную монархию. Буржуазия уничтожила могущество аристократии, дворянства, отменив майораты, или неотчуждаемость земельных владений, и упразднив все дворянские привилегии. Она сокрушила могущество цехового бюргерства, упразднив все цехи и все привилегии ремесленников. На место тех и других она поставила свободную конкуренцию, т. е. такое состояние общества, при котором каждый имеет право заниматься любой отраслью промышленной деятельности, причем ничто не может ему в этом помешать, кроме отсутствия нужного для этого капитала. Введение свободной конкуренции равносильно, таким образом, открытому заявлению, что отныне члены общества не равны между собой лишь постольку, поскольку не равны их капиталы, что капитал становится решающей силой, а капиталисты, буржуа, тем самым становятся первым классом в обществе. Но свободная конкуренция необходима для начального периода развития крупной промышленности, потому что она представляет собой единственное состояние общества, при котором может вырасти крупная промышленность. — Буржуазия, уничтожив таким путем общественное могущество дворянства и цехового бюргерства, уничтожила также и их политическую власть. Став первым классом в обществе, она провозгласила себя первым классом и в политической области. Она сделала это путем введения представительной системы, которая основана на буржуазном равенстве перед законом, на законодательном признании свободной конкуренции. Эта система была введена в европейских странах в виде конституционной монархии. В конституционных монархиях правами избирателей пользуются лишь те, кто обладает известным капиталом, т. е. только буржуа. Эти буржуа-избиратели выбирают депутатов, а эти буржуа-депутаты, используя право отказа в налогах, избирают буржуазное правительство.

В-третьих, промышленная революция всюду способствовала развитию пролетариата в той же мере, как и развитию буржуазии. Чем богаче становилась буржуазия, тем многочисленнее становились пролетарии. Так как работу пролетариям может предоставить только капитал, а капитал увеличивается только тогда, когда применяет труд, то рост пролетариата происходит в точном соответствии с ростом капитала. В то же время промышленная революция собирает буржуа и пролетариев в большие города, где всего выгоднее развивать промышленность, и этим скоплением огромных масс в одном месте внушает пролетариям сознание их силы. Затем, по мере того как развивается промышленная революция, по мере дальнейшего изобретения новых машин, вытесняющих ручной труд,

крупная промышленность оказывает все большее давление на заработную плату и снижает ее, как мы уже сказали, до минимума, вследствие чего положение пролетариата становится все более невыносимым. Так, с одной стороны, вследствие роста недовольства пролетариата, а с другой — вследствие роста его мощи, промышленная революция подготавливает социальную революцию, которую произведет пролетариат.

12-й вопрос: Каковы были дальнейшие последствия промышленной революции?

Ответ: Крупная промышленность создала, в виде паровой и других машин, средства, позволяющие в короткое время и с небольшими затратами до бесконечности увеличивать промышленное производство. Благодаря такой легкости расширения производства свободная конкуренция, являющаяся необходимым следствием этой крупной промышленности, вскоре приняла чрезвычайно острый характер; масса капиталистов бросилась в промышленность, и очень скоро произведено было больше, чем могло быть потреблено. В результате этого произведенные товары невозможно было продать и наступил так называемый торговый кризис. Фабрики должны были остановиться, фабриканты обанкротились и рабочие лишились хлеба. Повсюду наступила ужасная нищета. По истечении некоторого времени избыточные продукты были проданы, фабрики снова начали работать, заработная плата поднялась, и постепенно дела пошли лучше, чем когда-либо. Но не надолго, ибо вскоре снова было произведено слишком много товаров, наступил новый кризис, протекавший совершенно так же, как и предыдущий. Таким образом, с начала этого столетия в положении промышленности беспрестанно происходили колебания между периодами процветания и периодами кризиса, и почти регулярно через каждые пять-семь лет наступал такой кризис, причем каждый раз он вызывал величайшие бедствия среди рабочих, всеобщее революционное возбуждение и величайшую опасность для всего существующего строя.

13-й вопрос: Что следует из этих регулярно повторяющихся торговых кризисов?

Ответ: Во-первых, что хотя крупная промышленность в первую эпоху своего развития сама создала свободную конкуренцию, но в настоящее время она уже переросла свободную конкуренцию; что конкуренция и вообще ведение промышленного производства отдельными лицами превратились для крупной промышленности

в оковы, которые она должна разбить и разобьет; что крупная промышленность, пока она ведется на нынешних началах, не может существовать, не приводя к повторяющемуся каждые семь лет всеобщему расстройству, а это всякий раз ставит под угрозу всю цивилизацию и не только бросает на дно нищеты пролетариев, но и разоряет многих буржуа; что, следовательно, необходимо либо отказаться от крупной промышленности, — а это абсолютно невозможно, — либо признать, что она делает безусловно необходимым создание совершенно новой организации общества, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества.

Во-вторых, что крупная промышленность и обусловленная ею возможность бесконечного расширения производства позволяют создать такой общественный строй, в котором всех необходимых для жизни предметов будет производиться так много, что каждый член общества будет в состоянии совершенно свободно развивать и применять все свои силы и способности. Итак, именно то свойство крупной промышленности, которое в современном обществе порождает всю нищету и все торговые кризисы, явится при другой общественной организации как раз тем свойством, которое уничтожит эту нищету и эти приносящие бедствия колебания.

Таким образом, вполне убедительно доказано:

- 1) что в настоящее время все эти бедствия объясняются только общественным строем, который уже не соответствует условиям времени;
- 2) что уже имеются средства для окончательного устранения этих бедствий путем создания нового общественного строя.

14-й вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй?

Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию. Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как такой

способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована, а ее место займет общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества. Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности.

15-й вопрос: Значит, уничтожение частной собственности раньше было невозможно?

Ответ: Да, невозможно. Всякое изменение общественного строя, всякий переворот в отношениях собственности являлись необходимым следствием создания новых производительных сил, которые перестали соответствовать старым отношениям собственности. Так возникла и сама частная собственность. Дело в том, что частная собственность существовала не всегда; когда в конце средних веков в виде мануфактуры возник Новый способ производства, не укладывавшийся в рамки тогдашней феодальной и цеховой собственности, эта мануфактура, уже переросшая старые отношения собственности, создала для себя новую форму собственности — частную собственность. Для мануфактуры и для первой стадии развития крупной промышленности не была возможна никакая другая форма собственности, кроме частной собственности, не был возможен никакой другой общественный строй, кроме строя, основанного на частной собственности. Пока нельзя производить в таких размерах, чтобы не только хватало на всех, но чтобы еще оставался избыток продуктов для увеличения общественного капитала и дальнейшего развития производительных сил, до тех пор должен всегда оставаться господствующий класс, распоряжающийся производительными силами общества, и другой класс — бедный и угнетенный. Каковы эти классы, это зависит от степени развития производства. В средневековье, зависевшем от земледелия, — перед нами помещик и крепостной; в городах позднего средневековья — цеховой мастер, подмастерье и поденщик; в XVII веке — владелец мануфактуры и мануфактурный рабочий; в XIX веке — крупный фабрикант и пролетарий. Вполне очевидно, что до настоящего времени

производительные силы не были еще развиты в такой степени, чтобы можно было производить достаточное для всех количество продуктов и чтобы частная собственность уже сделалась оковами, преградой для развития этих производительных сил. Но теперь благодаря развитию крупной промышленности, во-первых, созданы капиталы и производительные силы в размерах, ранее неслыханных, и имеются средства для того, чтобы в короткий срок до бесконечности увеличить эти производительные силы. Во-вторых, эти производительные силы сосредоточены в руках немногих буржуа, тогда как широкие народные массы все более превращаются в пролетариев, причем положение их становится тем более бедственным и невыносимым, чем больше увеличиваются богатства буржуа. В-третьих, эти могучие, легко поддающиеся увеличению производительные силы до такой степени переросли частную собственность и буржуа, что они непрерывно вызывают сильнейшие потрясения общественного строя. Поэтому лишь теперь уничтожение частной собственности стало не только возможным, но даже совершенно необходимым.

16-й вопрос: Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?

Ответ: Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом.

17-й вопрос: Возможно ли уничтожить частную собственность сразу?

Ответ: Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства. Поэтому надвигающаяся по всем признакам революция

пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства.

18-й вопрос: Каков будет ход этой революции?

Ответ: Прежде всего, она создаст демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата. Прямо — в Англии, где пролетарии уже теперь составляют большинство народа, косвенно — во Франции и Германии, где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа, которые находятся еще только в стадии перехода в пролетариат, в осуществлении всех своих политических интересов все более зависят от пролетариата и потому вскоре должны будут присоединиться к его требованиям. Для этого, может быть, понадобится еще новая борьба, которая, однако, непременно закончится победой пролетариата.

Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:

1) Ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д.

2) Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и судовладельцев, частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путем выкупа ассигнатами.

3) Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа.

4) Организация труда или предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство.

5) Одинаковая обязательность труда для всех членов общества до полного уничтожения частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства.

6) Централизация кредитной системы и торговли деньгами в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом. Закрытие всяких частных банков и банкирских контор.

7) Увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог, судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными, и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растет число рабочих, которыми располагает нация.

8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет. Соединение воспитания с фабричным трудом.

9) Сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун, граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков.

10) Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах.

11) Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей.

12) Концентрация всего транспортного дела в руках нации.

Все эти мероприятия нельзя, разумеется, провести в один прием, но одно из них повлечет за собой другое. Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен. К этому ведут все перечисленные мероприятия. Осуществимость этих мероприятий и порождаемая ими централизация будут возрастать точно в такой же степени, в какой производительные силы страны будут умножаться трудом пролетариата. Наконец, когда весь капитал, все производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними, и производство увеличится в такой степени, а люди настолько изменятся, что смогут отпасть и последние формы отношений старого общества.

19-й вопрос: Может ли эта революция произойти в одной какой-нибудь стране?

Ответ: Нет*. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену.

20-й вопрос: Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?

Ответ: Тем, что общество изымет из рук частных капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами общения, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет управлять всем этим сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом, — будут прежде всего устранены все пагубные последствия, связанные с нынешней системой ведения крупной промышленности. Кризисы прекратятся, расширенное производство, которое при существующем общественном строе вызывает перепроизводство и является столь могущественной причиной нищеты, тогда окажется далеко не достаточным и должно будет принять гораздо более широкие размеры. Избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества,

* Правильная для эпохи домонополистического капитализма, эта формула Энгельса о невозможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране устарела в эпоху монополистического капитализма, когда действие закона неравномерного, скачкообразного экономического и политического развития капиталистических стран предопределило одновременность созревания пролетарской революции в разных странах. В новых исторических условиях это устаревшее положение Энгельса было заменено В. И. Лениным новым положением о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране и невозможности одновременной победы социализма во всех или большинстве стран (см. В. И. Ленин «О лозунге Соединенных Штатов Европы»). Подробнее см. И. В. Сталин «Об оппозиции». — Ред.

вместо того чтобы порождать нищету, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех членов общества, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Он явится условием и стимулом для дальнейшего прогресса и будет осуществлять этот прогресс, не приводя при этом, как раньше, к периодическому расстройству всего общественного порядка. Крупная промышленность, освобожденная от оков частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться таким же ничтожным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени. Это развитие промышленности даст обществу достаточное количество продуктов, чтобы удовлетворять потребности всех его членов. Точно так же земледелие, для которого, вследствие гнета частной собственности и вследствие дробления участков, затруднено внедрение уже существующих усовершенствований и достижений науки, тоже вступит в совершенно новую полосу расцвета и предоставит в распоряжение общества вполне достаточное количество продуктов. Таким образом, общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы. Но оно не только станет излишним, оно будет даже несовместимо с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное и сельскохозяйственное производство на указанную высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также соответственно развить и способности людей, приводящих в движение эти средства. Подобно тому как в прошлом столетии крестьяне и рабочие мануфактур после вовлечения их в крупную промышленность изменили весь свой жизненный уклад и сами стали совершенно другими людьми, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, — людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять

таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со все-сторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности. Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий.

Отсюда вытекает, что противоположность между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин. Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно еще высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать.

Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся

всеми же, и, наконец, путем слияния города с деревней — вот главные результаты ликвидации частной собственности.

21-й вопрос: Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью?

Ответ: Отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое обществу нет нужды вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, вследствие чего уничтожаются обе основы современного брака, связанные с частной собственностью, — зависимость жены от мужа и детей от родителей. В этом и заключается ответ на вопли высококонравных мещан по поводу коммунистической общности жен. Общность жен представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и в полном объеме существующее в настоящее время в виде проституции. Но проституция основана на частной собственности и исчезнет вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация вместо того, чтобы вводить общность жен, наоборот, уничтожит ее.

22-й вопрос: Как будет относиться коммунистическая организация к существующим национальностям?

Ответ: Остается.*

23-й вопрос: Как будет она относиться к существующим религиям?

Ответ: Остается.

24-й вопрос: Чем отличаются коммунисты от социалистов?

Ответ: Так называемые социалисты делятся на три категории.

Первая категория состоит из сторонников феодального и патриархального общества, которое уничтожалось и уничтожается с каждым днем крупной промышленностью, мировой торговлей и созданным ими буржуазным обществом. Эта категория из бедствий современного общества делает вывод о том, что следует восстановить феодальное и патриархальное общество, так как оно было свободно от этих бедствий. Все ее предложения, прямыми или обходными путями, направлены к этой цели. Коммунисты всегда будут

* В рукописи вместо ответа на 22-й, а также на последующий, 23-й, вопрос стоит слово «остается». По-видимому, оно означает, что ответ должен остаться в том виде, как он был сформулирован в одном из не дошедших до нас предварительных проектов программы Союза коммунистов. Ред.

решительно бороться с этой категорией *реакционных* социалистов, несмотря на ее мнимое сочувствие нищете пролетариата и на проливаемые по этому поводу горячие слезы. Ибо эти социалисты:

1) стремятся к чему-то совершенно невозможному;
2) пытаются восстановить господство аристократии, цеховых мастеров и владельцев мануфактур, с их свитой абсолютных или феодальных монархов, чиновников, солдат и попов; они хотят восстановить общество, которое, правда, было бы свободно от пороков современного общества, но зато принесло бы с собой, по меньшей мере, столько же других бедствий, а к тому же не открывало бы никаких перспектив к освобождению угнетенных рабочих посредством коммунистической организации;

3) свои подлинные намерения они всегда обнаруживают, когда пролетариат становится революционным и коммунистическим. В этих случаях они немедленно объединяются с буржуазией против пролетариев.

Вторая категория состоит из сторонников нынешнего общества, которых неизбежно порождаемые этим обществом бедствия заставляют опасаться за его существование. Они стремятся, следовательно, сохранить нынешнее общество, но устранить связанные с ним бедствия. Для этого одни предлагают меры простой благотворительности, другие — грандиозные планы реформ, которые, под предлогом реорганизации общества, имеют целью сохранить устои нынешнего общества и тем самым само нынешнее общество. Против этих *буржуазных социалистов* коммунисты тоже должны будут вести неустанную борьбу, потому что их деятельность идет на пользу врагам коммунистов и они защищают тот общественный строй, который коммунисты хотят разрушить.

Наконец, третья категория состоит из демократических социалистов. Идя по пути с коммунистами, они хотят осуществления части мероприятий, указанных в ... вопросе*, но не в качестве переходных мер, ведущих к коммунизму, а в качестве мероприятий, достаточных для уничтожения нищеты и устранения бедствий нынешнего общества. Эти *демократические социалисты* являются либо пролетариями, которые еще недостаточно уяснили себе условия освобождения своего класса, либо представителями мелкой буржуазии, т. е. класса, который вплоть до завоевания демократии и осуществления вытекающих из нее социалистических мероприятий во многих отношениях имеет те же интересы, что и пролетарии. Поэтому, коммунисты в моменты действий будут заключать

* В рукописи пробел; имеется в виду 18-й вопрос. Ред.

соглашения с демократическими социалистами и вообще на это время должны придерживаться по возможности общей с ними политики, если только эти социалисты не пойдут в услужение к господствующей буржуазии и не станут нападать на коммунистов. Разумеется, совместные действия не исключают обсуждения тех разногласий, которые существуют между ними и коммунистами.

25-й вопрос: Как относятся коммунисты к остальным политическим партиям нашего времени?

Ответ: Отношение это различно в разных странах. — В Англии, Франции и Бельгии, где господствует буржуазия, коммунисты пока еще имеют общие интересы с различными демократическими партиями, причем эта общность интересов тем значительнее, чем больше демократы приближаются к целям коммунистов в тех социалистических мероприятиях, которые демократы повсюду теперь отстаивают, т. е. чем яснее и определеннее они отстаивают интересы пролетариата и чем больше они опираются на пролетариат. В Англии, например, чартисты, состоящие из рабочих, неизмеримо ближе к коммунистам, чем демократические мелкие буржуа или так называемые радикалы.

В Америке, где введена демократическая конституция, коммунисты должны будут поддерживать партию, которая хочет обратить эту конституцию против буржуазии и использовать ее в интересах пролетариата, т. е. партию сторонников национальной аграрной реформы.

В Швейцарии радикалы, хотя и представляют еще собой партию с очень смешанным составом, являются, однако, единственными, с которыми коммунисты могут вступать в соглашение, а среди этих радикалов опять-таки наиболее прогрессивными являются ваадтские и женевские.

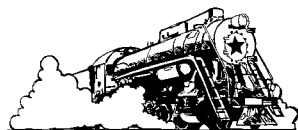
Наконец, в Германии решительная борьба между буржуазией и абсолютной монархией еще впереди. Но так как коммунисты не могут рассчитывать, что им придется вступить в решающий бой с буржуазией прежде, чем буржуазия достигнет господства, то в интересах коммунистов помочь буржуазии возможно скорее достичь господства, чтобы затем как можно скорее в свою очередь свергнуть ее. Таким образом, в борьбе либеральной буржуазии с правительствами коммунисты должны быть всегда на стороне первой, остерегаясь, однако, того самообмана, в который впадает буржуазия, и не доверяя ее соблазнительным заверениям о тех благодетельных последствиях, которые якобы повлечет за собой для пролетариата победа буржуазии. Единственные преимущества

от победы буржуазии для коммунистов будут заключаться: 1) в разного рода уступках, которые облегчат коммунистам защиту, обсуждение и распространение своих принципов и тем самым облегчат объединение пролетариата в тесно сплоченный, готовый к борьбе и организованный класс, и 2) в уверенности, что с того дня, как падут абсолютистские правительства, наступит черед для борьбы между буржуа и пролетариями. С этого дня партийная политика коммунистов будет здесь такой же, как и в странах, где буржуазия уже господствует.

*Написано Ф. Энгельсом
в конце октября — ноябре 1847 г.*

*Печатается по изданию:
К. Маркс и Ф. Энгельс,
Сочинения, т.4, стр. 322–339.*

*Впервые напечатано отдельным
изданием в 1914 г.*

Оцифровано издательской группой
МЛРД «РАБОЧИЙ ПУТЬ»

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

«В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»

В. И. Ленин

«Маркс и Энгельс своим “Манифестом” создали эпоху».

И. В. Сталин

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ 1948 ГОДА

В основу настоящего издания «Манифеста Коммунистической партии» положен текст немецкого издания 1848 года. Изменения, внесенные в последующие немецкие издания, а также дополнения, сделанные Энгельсом в английском издании, оговорены в редакционных сносках. Текст снабжен примечаниями Энгельса, сделанными им для английского издания 1888 г. и для немецкого издания 1890 года.

Русский текст заново сверен с оригиналом, причем устранен ряд ошибок, содержащихся в прежних переводах, в том числе и в издании 1939 года. При подготовке русского текста использованы переводы отдельных мест «Манифеста», сделанные Лениным, и на весь текст распространена ленинская терминология.

Перевод всех предисловий к «Манифесту» также сверен с соответствующими текстами подлинников и в ряде случаев по сравнению с изданием 1939 г. исправлен.

*Институт Маркса—Энгельса—Ленина
при ЦК ВКП(б), 1948 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1872 ГОДА

«Союз коммунистов», международная рабочая организация, которая при тогдашних условиях, разумеется, могла быть только организацией тайной, на конгрессе, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, поручила нижеподписавшимся выработать предназначенную для опубликования развернутую теоретическую и практическую программу партии. Так возник нижеследующий «Манифест», рукопись которого была отправлена для напечатания в Лондон за несколько недель до февральской революции*. Изданный сначала по-немецки, «Манифест» выдержал на этом языке в Германии, Англии и Америке по крайней мере двенадцать различных изданий. На английском языке он впервые появился в 1850 г. в Лондоне в «Red Republican», в переводе мисс Эллен Макфарлейн, а затем в 1871 г., по меньшей мере в трех различных переводах, — в Америке. На французском языке он в первый раз вышел в Париже незадолго до июньского восстания 1848 г. и недавно — в нью-йоркском «Le Socialiste». Подготавливается новый перевод. На польском языке он появился в Лондоне вскоре после первого немецкого издания. На русском — в Женеве в 60-х годах. На датский язык он был переведен тоже вскоре после своего выхода в свет.

Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и по настоящее время. В отдельных местах следовало бы внести кое-какие исправления. Практическое применение этих основных положений, как гласит сам «Манифест», будет повсюду и всегда зависеть от существующих исторических условий, и поэтому революционным мероприятиям, выдвинутым в конце II раздела, отнюдь не придается самодовлеющего значения. В настоящее время это место следовало бы во многих отношениях изложить иначе. Ввиду громадного развития крупной промышленности за последние двадцать пять лет и сопутствующего ему роста партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере. Парижской коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной

* Имеется в виду февральская буржуазная революция 1848 г. во Франции. — Ред.

машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «Der Bürgerkrieg in Frankreich, Adresse des Generalrats der Internationalen Arbeiterassoziation», немецкое издание, стр. 19, где эта мысль развита полнее*). Далее, понятно само собой, что критика социалистической литературы для настоящего времени является неполной, так как доведена только до 1847 г.; точно так же понятно, что замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (раздел IV), если в основных чертах правильны и для сегодняшнего дня, то все же в своих частностях устарели уже потому, что политическое положение совершенно изменилось и большинство перечисленных там партий стерто историческим развитием с лица земли.

Однако «Манифест» является историческим документом, изменять который мы уже не считаем себя более вправе. Быть может, следующее издание удастся снабдить введением, охватывающим промежуток от 1847 г. до наших дней; настоящее издание «Манифеста» было предпринято настолько неожиданно для нас, что у нас не было времени для этой работы.

Карл Маркс. Фридрих Энгельс

Лондон, 24 июня 1872 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1882 ГОДА

Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов**; оно было напечатано в типографии «Колокола». В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен. До какой степени ограниченную область распространения имело тогда (декабрь 1847 г.) движение пролетариата, лучше всего показывает последняя глава «Манифеста»: «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям в различных странах». В ней недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей

* См. К. Маркс. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета Международного Товарищества Рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 317–370. — *Ред.*

** Упомянутое издание вышло в 1869 году. В предисловии Энгельса к английскому изданию 1888 г. дата выхода этого русского перевода «Манифеста» также указана неточно (см. стр. 29 настоящего издания). — *Ред.*

европейской реакции и когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала избыточные силы европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка.

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская иммиграция способствовала колоссальному развитию земледелия в Северной Америке, которое своей конкуренцией колеблет крупное и мелкое европейское землевладение в самых его основаниях. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы и особенно Англии. Оба эти обстоятельства в свою очередь воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя земельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-помалу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

Перейдем к России! В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они

пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

Карл Маркс. Ф. Энгельс

Лондон, 21 января 1882 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1883 ГОДА

Предисловие к настоящему изданию мне приходится, к сожалению, подписывать одному. Маркс — человек, которому весь рабочий класс Европы и Америки обязан более, чем кому бы то ни было, — покоится на Хайгетском кладбище, и могила его поросла уже первой травой. После его смерти уж во всяком случае не может быть речи о переделке или дополнении «Манифеста». Тем более я считаю необходимым с полной ясностью еще раз заявить здесь следующее.

Основная мысль, проходящая красной нитью через весь «Манифест», мысль, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу*.

Я это говорил уже неоднократно, но именно теперь необходимо предпослать это заявление и самому «Манифесту».

Ф. Энгельс

Лондон, 28 июня 1883 г.

* «К этой мысли, — писал я в предисловии к английскому переводу, — которая, по моему мнению, должна для истории иметь такое же значение, какое для биологии имела теория Дарвина, оба мы постепенно приближались еще за несколько лет до 1845 года. В какой мере мне удалось продвинуться в этом направлении самостоятельно, лучше всего можно судить по моей работе «Положение рабочего класса в Англии». Когда же весной 1845 г. я вновь встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал эту мысль и изложил ее мне почти в столь же ясных выражениях, в каких я привел ее здесь». (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 года.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ 1888 ГОДА

«Манифест» был опубликован в качестве программы «Союза коммунистов» — рабочей организации, которая сначала была исключительно немецкой, а затем международной организацией и, при существовавших на континенте до 1848 г. политических условиях, неизбежно должна была оставаться тайным обществом. На конгрессе Союза, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, Марксу и Энгельсу было поручено подготовить предназначенную для опубликования развернутую теоретическую и практическую программу партии. Эта работа была завершена в январе 1848 г., и рукопись на немецком языке была отослана для издания в Лондон за несколько недель до французской революции 24 февраля. Французский перевод вышел в Париже незадолго до июньского восстания 1848 года. Первый английский перевод, сделанный мисс Эллен Макфарлейн, появился в «Red Republican» Джорджа Джулиана Гарни, Лондон 1850 год. Вышли в свет также датское и польское издания.

Поражение парижского июньского восстания 1848 г. — этой первой крупной битвы между пролетариатом и буржуазией — на некоторое время вновь отодвинуло социальные и политические требования рабочего класса Европы на задний план. С тех пор борьбу за преобладание снова, как и до февральской революции, вели между собою только различные группы имущего класса; рабочий класс был вынужден бороться за политическую свободу действий и занять позицию крайнего крыла радикальной части среднего класса. Всякое самостоятельное пролетарское движение, поскольку оно продолжало подавать признаки жизни, беспощадно подавлялось. Так, прусской полиции удалось выследить Центральный комитет Союза коммунистов, находившийся в то время в Кёльне. Члены его были арестованы и после восемнадцатимесячного тюремного заключения были преданы суду в октябре 1852 года. Этот знаменитый «Кёльнский процесс коммунистов» продолжался с 4 октября по 12 ноября; из числа подсудимых семь человек были приговорены к заключению в крепости на сроки от трех до шести лет. Непосредственно после приговора Союз был формально распущен оставшимися членами. Что касается «Манифеста», то он, казалось, был обречен с этих пор на забвение.

Когда рабочий класс Европы опять достаточно окреп для нового наступления на господствующие классы, возникло Международное Товарищество Рабочих. Но это Товарищество, образовавшееся с определенной целью — сплотить воедино все боеспособные силы пролетариата Европы и Америки, не могло сразу провозгласить принципы, изложенные в «Манифесте». Программа Интернационала должна была быть достаточно широка для того, чтобы ее считали приемлемой и английские тред-юнионы, и последователи Прудона во Франции, Бельгии, Италии и Испании, и лассальянцы* в Германии. Маркс, написавший эту программу так, что она должна была удовлетворить все эти партии, всецело полагался на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместных действий и взаимного обмена мнениями. Сами по себе события и перипетии борьбы против капитала — причем поражения еще больше, чем победы, — неизбежно должны были довести до сознания рабочих непригодность различных излюбленных ими всеисцеляющих рецептов и подготовить рабочих к более основательному пониманию действительных условий освобождения рабочего класса. И Маркс был прав. Когда в 1874 г. Интернационал прекратил свое существование, рабочие были уже совсем иными, чем при основании его в 1864 году. Прудонизм во Франции и лассальянство в Германии умирали, и даже консервативные английские тред-юнионы, в своем большинстве уже задолго до этого порвавшие связь с Интернационалом, постепенно приближались к тому моменту, когда председатель их конгресса, происходившего в прошлом году в Суонси, смог сказать от их имени: «Континентальный социализм больше нас не страшит». Действительно, принципы «Манифеста» получили значительное распространение среди рабочих всех стран.

Таким образом, и сам «Манифест» вновь выдвинулся на передний план. После 1850 г. немецкий текст переиздавался несколько раз в Швейцарии, Англии и Америке. В 1872 г. он был переведен на английский язык в Нью-Йорке и напечатан в «Woodhull and Claflin's Weekly». С этого английского текста был сделан и напечатан в нью-йоркском «Le Socialiste» французский перевод. После этого в Америке появилось по меньшей мере еще два более или менее искаженных английских перевода, причем один из них был переиздан в Англии. Первый русский перевод, сделанный Бакуниным,

* Лично Лассаль всегда заявлял нам, что он — ученик Маркса и, как таковой, стоит на почве «Манифеста». Но в своей публичной агитации 1862—1864 гг. он не шел дальше требования производительных товариществ, поддерживаемых с помощью государственного кредита. (Примечание Энгельса.)

был издан около 1863 г. типографией герценовского «Колокола» в Женеве; второй русский перевод, принадлежащий героической Вере Засулич*, вышел тоже в Женеве в 1882 году. Новое датское издание появилось в «Socialdemokratisk Bibliothek» в Копенгагене в 1885 г.; новый французский перевод напечатан в парижском «Le Socialiste» в 1886 году**. С этого последнего был сделан испанский перевод, опубликованный в Мадриде в 1886 году. О повторных немецких изданиях не приходится и говорить, их было по меньшей мере двенадцать. Армянский перевод, который должен был быть напечатан несколько месяцев тому назад в Константинополе, как мне передавали, не увидел света только потому, что издатель боялся выпустить книгу с именем Маркса, а переводчик не согласился выдать «Манифест» за свое произведение. О позднейших переводах на другие языки я слышал, но сам их не видел. Таким образом, история «Манифеста» в значительной степени отражает историю современного рабочего движения; в настоящее время он несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой, признанной миллионами рабочих от Сибири до Калифорнии.

И все же, когда мы писали его, мы не могли назвать его *социалистическим манифестом*. В 1847 г. под именем социалистов были известны, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем: оуэнисты в Англии, фурьеристы во Франции, причем и те и другие уже выродились в постепенно умиравшие секты; с другой стороны, — всевозможные социальные знахари, обещавшие, без всякого вреда для капитала и прибыли, исцелить все социальные недуги с помощью всякого рода заплат. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне движения рабочего класса и искавшие поддержки скорее у «образованных» классов. А та часть рабочего класса, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства всего общества, называла себя тогда коммунистической. Это был грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный коммунизм; однако он нащупывал самое основное и оказался в среде рабочего класса достаточно сильным для того, чтобы создать утопический коммунизм: во Франции — коммунизм Кабэ, в Германии — коммунизм

* В послесловии к статье «Социальные отношения в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. 2-е изд., т. 22, стр. 438–453) Энгельс называет упомянутый перевод переводом Плеханова. Сам Плеханов в издании «Манифеста» 1900 г. тоже указывает, что перевод сделан им. — *Ред.*

** Год указан неточно. Упомянутый Энгельсом французский перевод появился в «Le Socialiste» в 1885 году. — *Ред.*

Вейтлинга. Таким образом, в 1847 г. социализм был буржуазным движением, коммунизм — движением рабочего класса. Социализм, по крайней мере на континенте, был «респектабельным», коммунизм же как раз наоборот. А так как мы с самого начала были того мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», то для нас не могло быть никакого сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. Более того, нам и впоследствии никогда не приходило в голову отказываться от него.

Хотя «Манифест» — наше общее произведение, тем не менее я считаю своим долгом констатировать, что основное положение, составляющее его ядро, принадлежит Марксу. Это положение заключается в том, что в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обусловливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена; что в соответствии с этим вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей борьбы классов, борьбы между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами; что история этой классовой борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс — пролетариат — не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса — буржуазии, — не освобождая вместе с тем раз и навсегда всего общества от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы.

К этой мысли, которая, по моему мнению, должна для истории иметь такое же значение, какое для биологии имела теория Дарвина, оба мы постепенно приближались еще за несколько лет до 1845 года. В какой мере мне удалось продвинуться в этом направлении самостоятельно, лучше всего можно судить по моей работе «Положение рабочего класса в Англии»*. Когда же весной 1845 г. я вновь встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал эту мысль и изложил ее мне почти в столь же ясных выражениях, в каких я привел ее здесь.

* «The Condition of the Working Class in England in 1844». By Frederick Engels. Translated by Florence K. Wischnewetzky, New York, Lovell — London. W. Reeves, 1888. (Примечание Энгельса.) [См. Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд. т. 2, стр. 231—517. — Ред.]

Следующие строки я привожу из нашего совместного предисловия к немецкому изданию 1872 года:

«Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и по настоящее время. В отдельных местах следовало бы внести кое-какие исправления. Практическое применение этих основных положений, как гласит сам «Манифест», будет повсюду и всегда зависеть от существующих исторических условий, и поэтому революционным мероприятиям, выдвинутым в конце II раздела, отнюдь не придается самодовлеющего значения. В настоящее время это место следовало бы во многих отношениях изложить иначе. Ввиду громадного развития современной промышленности с 1848 г. и сопутствующего ему роста партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «The Civil War in France; Address of the General Council of the International Working-men's Association». London, Truelove, 1871, стр. 15* где эта мысль развита полнее). Далее, понятно само собой, что критика социалистической литературы для настоящего времени является неполной, так как доведена только до 1847 г.; точно так же понятно, что замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (раздел IV), если в основных чертах правильны и для сегодняшнего дня, то все же в своих частностях устарели уже потому, что политическое положение совершенно изменилось и большинство перечисленных там партий стерто историческим развитием с лица земли.

Однако «Манифест» является историческим документом, изменить который мы уже не считаем себя более вправе».

Предлагаемый перевод сделан г. Сэмюэлем Муром, переводчиком большей части «Капитала» Маркса. Мы просмотрели его совместно, и я добавил несколько пояснительных примечаний исторического характера.

Фридрих Энгельс

Лондон, 30 января 1888 г.

* См. К. Маркс. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета Международного Товарищества Рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. 2-е изд., т. 17, стр. 317–370. — Ред.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1890 ГОДА

С тех пор как были написаны вышеприведенные строки*, потребовалось новое немецкое издание «Манифеста», да и с самим «Манифестом» произошло многое, о чем стоит здесь упомянуть.

В 1882 г. в Женеве появился второй русский перевод, сделанный Верой Засулич; предисловие к нему было написано Марксом и мною. К сожалению, у меня затерялся оригинал немецкой рукописи, и мне приходится переводить обратно с русского, от чего работа, конечно, мало выигрывает**. Вот это предисловие:

«Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов; оно было напечатано в типографии «Колокола». В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен.

До какой степени ограниченную область распространения имело тогда (декабрь 1847 г.) движение пролетариата, лучше всего показывает последняя глава «Манифеста»: «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям в различных странах». В ней недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции и когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала избыточные силы европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка.

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская иммиграция способствовала колоссальному развитию земледелия в Северной Америке, которое своей конкуренцией колеблет крупное и мелкое европейское землевладение в самых его основаниях. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы и особенно Англии. Оба эти обстоятельства в свою очередь

* Энгельс имеет в виду свое предисловие к немецкому изданию 1883 года. — Ред.

** Упомянутый Энгельсом затерянный немецкий подлинник предисловия Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста» найден и хранится в архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина; в настоящем издании русский текст этого предисловия дается в переводе с рукописного оригинала. — Ред.

воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя земельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-помалу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

Перейдем к России! В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

Карл Маркс. Ф. Энгельс

Лондон, 21 января 1882 г.».

Около того же времени появился в Женеве новый польский перевод: «Manifest Komunistyczny».

Затем появился новый датский перевод в «Socialdemokratisk Bibliothek, Kjobenhavn 1885». К сожалению, он не полон; некоторые существенные места, представлявшие, по-видимому, трудность для переводчика, выпущены, и вообще местами заметны следы небрежности, тем более досадные, что, судя по работе, переводчик

при несколько более внимательном отношении мог бы достигнуть превосходных результатов.

В 1886 г. вышел новый французский перевод в парижском «Le Socialiste»; это — лучший из появившихся до сих пор переводов.

С этого французского перевода был сделан и издан в том же году испанский перевод, вышедший сначала в мадридском «El Socialista», а потом отдельной брошюрой: «Manifiesto del Partido Comunista», por Carlos Marx y F. Engels. Madrid. Administracion de «El Socialista». Hernan Cortes 8.

В качестве курьеза упомяну еще, что в 1887 г. одному константинопольскому издателю была предложена рукопись армянского перевода «Манифеста»; однако этот добрый человек не имел мужества напечатать вещь, на которой стояло имя Маркса, и считал более подходящим, чтобы переводчик назвал в качестве автора себя, на что последний, однако, не согласился.

В Англии не раз переиздавались разные более или менее неверные американские переводы. Наконец, в 1888 г. появился аутентичный перевод. Он сделан моим другом Сэмюэлем Муром и до сдачи в печать еще раз просмотрен совместно нами обоими. Заглавие его: «Manifesto of the Communist Party, by Karl Marx and Frederick Engels. Authorized English Translation, edited and annotated by Frederick Engels. 1888. London, William Reeves, 185 Fleet st. E. C.». Некоторые из сделанных мною там примечаний вошли и в настоящее издание.

«Манифест» имел свою собственную судьбу. При своем появлении он был (как это доказывают переводы, отмеченные в первом предисловии) восторженно встречен тогда еще немногочисленным авангардом научного социализма, но вскоре был оттеснен на задний план реакцией, начавшейся вслед за поражением парижских рабочих в июне 1848 г., и, наконец, осуждением кельнских коммунистов в ноябре 1852 г. был «на законном основании» объявлен вне закона. Связанное с февральской революцией рабочее движение исчезло с общественной арены, а вместе с ним отошел на задний план и «Манифест».

Когда европейский рабочий класс опять достаточно окреп для нового наступления на власть господствующих классов, возникло Международное Товарищество Рабочих. Его целью было объединить в одну великую армию все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки. Поэтому оно не могло *отправляться непосредственно* от принципов, изложенных в «Манифесте». Оно должно было иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей перед английскими тред-юнионами, французскими,

бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами*. Такая программа — вводная часть к уставу Интернационала** — была написана Марксом с мастерством, которое должны были признать даже Бакунин и анархисты. Маркс был вполне уверен в окончательной победе принципов, выставленных в «Манифесте», всецело полагаясь при этом на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместного действия и обсуждения. События и перипетии борьбы против капитала — причем поражения еще более, чем победы, — не могли не показать борющимся всю несостоятельность тех всеисцеляющих средств, которых они до того времени придерживались, и сделать их головы более восприимчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих. И Маркс был прав. В 1874 г., в момент роспуска Интернационала, рабочий класс был уже совсем не тот, каким он был при основании Интернационала в 1864 году. Прудонизм в романских странах и специфическое лассальянство в Германии находились при последнем издыхании, и даже тогдашние архиконсервативные английские тред-юнионы постепенно приближались к моменту, когда председатель их конгресса в Суонси в 1887 г. смог сказать от их имени: «Континентальный социализм больше нас не страшит». Но в 1887 г. континентальным социализмом была почти исключительно теория, изложенная в «Манифесте». Таким образом, история «Манифеста» до известной степени отражает историю современного рабочего движения с 1848 года. В настоящее время он несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии.

И все-таки в момент его появления мы не могли назвать его социалистическим манифестом. В 1847 г. социалистами назывались два разряда людей. С одной стороны, приверженцы различных утопических систем, в особенности оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции; оба эти течения уже тогда выродились просто в секты, которые постепенно вымирали. С другой стороны, — всевозможные социальные знахари, которые стремились с помощью

* В сношениях с нами Лассаль всегда признавал себя «учеником» Маркса и, в качестве такового, стоял, разумеется, на почве «Манифеста». Иначе обстояло дело с теми его последователями, которые не шли дальше его требования производительных товариществ с государственным кредитом и которые делали весь рабочий класс на сторонников государственной помощи и сторонников самопомощи. (Примечание Энгельса.)

** См. К. Маркс. Общий устав Международного Товарищества Рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 17, стр. 445–460. — Ред.

различных всеисцеляющих средств и всякого рода заплат устранить общественные бедствия, не причиняя при этом ни малейшего вреда капиталу и прибыли. В обоих случаях то были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образованных» классов. Напротив, та часть рабочих, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда *коммунистической*. Это был еще мало обработанный, лишь инстинктивный, во многом грубоватый коммунизм, но он был достаточно силен для того, чтобы создать две системы утопического коммунизма — «икарийский» коммунизм Кабэ во Франции и коммунизм Вейтлинга в Германии. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее движение. Социализм, по крайней мере на континенте, был вполне благопристойным, коммунизм — как раз наоборот. А так как мы уже тогда весьма решительно придерживались мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», то не могли ни минуты сомневаться, какое из двух названий выбрать. И впоследствии нам никогда не приходило в голову отказываться от него.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — Лишь немного голов откликнулось, когда мы сорок два года назад кинули в мир этот клич накануне парижской революции — первой, в которой пролетариат выступил с собственными требованиями. Но 28 сентября 1864 г. пролетарии большинства западноевропейских стран соединились в славной памяти Международное Товарищество Рабочих. Правда, сам Интернационал прожил всего лишь девять лет. Но что основанный им вечный союз пролетариев всех стран еще живет и даже стал крепче, чем когда бы то ни было, это лучше всего доказывается нынешним днем. Ибо сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в одну армию, под одним знаменем, ради одной ближайшей цели — для законодательного установления нормального восьмичасового рабочего дня, провозглашенного еще Женевским конгрессом Интернационала в 1866 г. и потом — вторично — Парижским рабочим конгрессом в 1889 году. И зрелище сегодняшнего дня покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран ныне действительно соединились.

О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!

Ф. Энгельс

Лондон, 1 мая 1890 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ 1892 ГОДА*

Тот факт, что возникла необходимость в новом польском издании «Коммунистического манифеста», позволяет сделать целый ряд выводов. Прежде всего следует отметить, что «Манифест» в последнее время стал своего рода показателем развития крупной промышленности на европейском континенте. По мере того как в данной стране развивается крупная промышленность, среди рабочих этой страны усиливается стремление уяснить себе свое положение, как рабочего класса, по отношению к имущим классам; среди них ширится социалистическое движение и растет спрос на «Манифест». Таким образом, по количеству экземпляров «Манифеста», распространенных на языке данной страны, можно с достаточной точностью определить не только состояние рабочего движения, но и степень развития крупной промышленности в этой стране.

Поэтому новое польское издание «Манифеста» свидетельствует о решительном прогрессе польской промышленности. А что такой прогресс действительно имел место за десять лет, истекших со времени выхода последнего издания, не подлежит никакому сомнению. Царство Польское, Конгрессовая Польша, стало крупной промышленной областью Российской империи. В то время как русская крупная промышленность разбросана в разных местах — одна часть у Финского залива, другая в центре (Москва, Владимир), третья на побережье Черного и Азовского морей и т. д., — польская промышленность сосредоточена на относительно малом пространстве и испытывает как преимущества, так и невыгоды такой концентрации. Преимущества эти признали конкурирующие русские фабриканты, когда, несмотря на свое горячее желание обрусить всех поляков, потребовали охранительных пошлин против Польши. Невыгоды же — как для польских фабрикантов, так и для русского правительства — сказываются в быстром распространении социалистических идей среди польских рабочих и в возрастающем спросе на «Манифест».

Но это быстрое развитие польской промышленности, переросшей русскую, является, в свою очередь, новым доказательством неиссякаемой жизненной силы польского народа и новой гарантией его

* Предисловие к польскому изданию дается в переводе, сделанном с немецкого оригинала. — *Ред.*

будущего национального восстановления. А восстановление независимой мощной Польши, это — дело, которое касается не только поляков, но и всех нас. Искреннее международное сотрудничество европейских народов возможно только при том условии, если каждый из этих народов является полным хозяином в своем собственном доме. Революция 1848 г., в которой пролетарским борцам пришлось под знаменем пролетариата в конечном счете выполнить работу буржуазии, осуществила вместе с тем руками своих душеприказчиков — Луи Бонапарта и Бисмарка — независимость Италии, Германии, Венгрии. Польшу же, которая за время с 1792 г. сделала для революции больше, чем все эти три страны, вместе взятые, в момент, когда она в 1863 г. изнемогала под натиском сил русских, в десять раз превосходивших ее силы, предоставили самой себе. Шляхта не сумела ни отстоять, ни вновь завоевать независимость Польши; для буржуазии эта независимость в настоящее время по меньшей мере безразлична. А все же для гармонического сотрудничества европейских наций она является необходимостью. Независимость эту может завоевать только молодой польский пролетариат, зато в его руках она вполне обеспечена. Ибо для рабочих всей остальной Европы независимость Польши так же необходима, как и для самих польских рабочих.

Ф. Энгельс

Лондон, 10 февраля 1892 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ 1893 ГОДА

К итальянскому читателю

Опубликование «*Манифеста Коммунистической партии*» почти в точности совпало с днем 18 марта 1848 г., с революциями в Милане и в Берлине — вооруженными восстаниями двух наций, из которых одна находится в центре европейского континента, другая — в центре средиземноморских стран; двух наций, которые до того времени были ослаблены раздробленностью и внутренними раздорами и потому подпали под чужеземное владычество. Если Италия была подчинена австрийскому императору, то Германия находилась под не менее ощутимым, хотя и более косвенным, игом царя всея Руси. Последствия событий 18 марта 1848 г. освободили Италию

и Германию от этого позора; если за время с 1848 по 1871 г. эти две великие нации были восстановлены и им тем или иным образом была возвращена самостоятельность, то это произошло, как говорил Карл Маркс, потому, что те самые люди, которые подавили революцию 1848 г., были вопреки своей воле ее душеприказчиками.

Повсюду эта революция была делом рабочего класса: именно он строил баррикады и жертвовал своей жизнью. Но одни только парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй. Однако, хотя они и сознавали неизбежный антагонизм, существующий между их собственным классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ни умственный уровень массы французских рабочих не достигли еще той ступени, на которой было бы возможно социальное переустройство. Поэтому плоды революции достались в конечном счете классу капиталистов. В других же странах — в Италии, Германии, Австрии — рабочие с самого же начала только то и сделали, что помогли буржуазии прийти к власти. Но ни в какой стране господство буржуазии невозможно без национальной независимости. Поэтому революция 1848 г. должна была привести к единству и независимости тех наций, которые до того времени их не имели: Италии, Германии, Венгрии. Очередь теперь за Польшей.

Итак, если революция 1848 г. и не была социалистической, то она расчистила путь, подготовила почву для этой последней. Буржуазный строй, вызвавший во всех странах подъем крупной промышленности, вместе с тем за последние сорок пять лет повсюду создал многочисленный, сплоченный и сильный пролетариат; он породил, таким образом, употребляя выражение «Манифеста», своих собственных могильщиков. Без восстановления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно ни международное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей. Попробуйте представить себе какое-либо общее международное действие итальянских, венгерских, немецких, польских, русских рабочих при политических условиях, господствовавших до 1848 года!

Значит, битвы 1848 г. были не напрасны. Не напрасно прошли и сорок пять лет, отделяющие нас от этого революционного периода. Плоды его начинают созревать, и я хотел бы только, чтобы выход в свет этого итальянского перевода явился добрым предвестником победы итальянского пролетариата, так же как выход в свет подлинника явился предвестником международной революции.

«Манифест» воздает полную справедливость той революционной роли, которую капитализм сыграл в прошлом. Первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени. Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?

Фридрих Энгельс

Лондон, 1 февраля 1893 г.

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Где та оппозиционная партия, которую ее противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам?

Два вывода вытекают из этого факта.

Коммунизм признается уже силою всеми европейскими силами.

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий «Манифест», который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках.

I БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ*

История всех до сих пор существовавших обществ** была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер*** и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

* Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.)

** То есть вся история, дошедшая до нас в письменных источниках. В 1847 г. предыстория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна. За истекшее с тех пор время Гакстгаузен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии. Внутренняя организация этого первобытного коммунистического общества, в ее типической форме, была выяснена Морганом, увенчавшим дело своим открытием истинной сущности рода и его положения в племени. С разложением этой первобытной общины начинается расслоение общества на особые и в конце концов антагонистические классы. Я попытался проследить этот процесс разложения в работе «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats», 2-е изд., Stuttgart 1886. [См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 21, стр. 23—178.] (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.)

*** Цеховой мастер — это полноправный член цеха, мастер внутри цеха, а не старшина его. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.)

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие стоящие друг против друга класса — буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Остиндский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента.

Прежняя феодальная, или цеховая, организация промышленности более не могла удовлетворить спроса, возраставшего вместе с новыми рынками. Место ее заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытеснены промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло, уступив место разделению труда внутри отдельной мастерской.

Но рынки все росли, спрос все увеличивался. Удовлетворить его не могла уже и мануфактура. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья.

Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом*. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся

* В английском издании 1888 г., редактированном Энгельсом, после слова: «успехом» вставлены слова: «этого класса». — Ред.

ассоциация в коммуне^{*}, тут — независимая городская республика, там — третье податное сословие монархий^{**}, затем, в период мануфактуры, — противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, наконец, со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, она завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии.

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые

* «Коммунами» назывались во Франции нарождавшиеся города даже до того времени, когда они отвоёвали у своих феодальных владык и господ местное самоуправление и политические права «третьего сословия». Вообще говоря, здесь в качестве типичной страны экономического развития буржуазии взята Англия, в качестве типичной страны ее политического развития — Франция. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.)

Коммуна — так называли горожане Италии и Франции свою городскую общину, после того как они откупили или отвоёвали у своих феодальных господ первые права самоуправления. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 года.)

** В английском издании 1888 г. после слов: «независимая городская республика» вставлены слова: «(как в Италии и Германии)», а после слов: «третье податное сословие монархий» — «(как во Франции)». — Ред.

показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было неизменное сохранение старого способа производства. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды

духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей.

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение совершается на наших глазах. Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собою лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазной цивилизации и* буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно

* В последующих изданиях, начиная с немецкого издания 1872 г., слова: «буржуазной цивилизации» опущены. — Ред.

велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. — Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она prepares более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собою такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка.

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а следовательно и труда*, равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда**, за счет ли увеличения числа рабочих часов, или же вследствие увеличения

* Впоследствии Маркс показал, что рабочий продает не труд, а рабочую силу. См. по этому поводу введение Энгельса к работе Маркса «Наемный труд и капитал». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 22, стр. 204–212. — *Ред.*

** В английском издании 1888 г. вместо слов: «количество труда» напечатано — «тяжесть труда». — *Ред.*

количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно поработывает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива.

Чем менее искусства и силы требует ручной труд, т. е. чем более развивается современная промышленность, тем более мужской труд вытесняется женским и детским. По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола.

Когда заканчивается эксплуатация рабочего фабрикантом и рабочий получает, наконец, наличными свою заработную плату, на него набрасываются другие части буржуазии — домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.

Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне — все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается благодаря новым способам производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием.

Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует. Рабочие направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбирают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить потерянное положение средневекового рабочего.

На этой ступени рабочие образуют рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией массу. Сплочение рабочих масс пока

является еще не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат. На этой ступени пролетарии борются, следовательно, не со своими врагами, а с врагами своих врагов — с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Все историческое движение сосредотачивается, таким образом, в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии.

Но с развитием промышленности пролетариат не только возрастает численно; он скопляется в большие массы, сила его растет, и он все более ее ощущает. Интересы и условия жизни пролетариата все более и более уравниваются по мере того, как машины все более стирают различия между отдельными видами труда и почти всюду низводят заработную плату до одинаково низкого уровня. Возрастающая конкуренция буржуа между собою и вызываемые ею торговые кризисы ведут к тому, что заработная плата рабочих становится все неустойчивее; все быстрее развивающееся, непрерывное совершенствование машин делает жизненное положение пролетариев все менее обеспеченным; столкновения между отдельным рабочим и отдельный буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают с того, что образуют коалиции* против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь переходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами требовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря железным дорогам, в течение немногих лет.

* В английском издании 1888 г. после слова: «коалиции» вставлено — «(профессиональные союзы)» — Ред.

Эта организация пролетариев в класс, и тем самым — в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее. Она заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии. Например, закон о десятичасовом рабочем дне в Англии.

Вообще столкновения внутри старого общества во многих отношениях способствуют процессу развития пролетариата. Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, и постоянно — против буржуазии всех зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена обращаться к пролетариату, призывать его на помощь и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она, следовательно, сама передает пролетариату элементы своего собственного образования*, т. е. оружие против самой себя.

Далее, как мы видели, прогресс промышленности сталкивает в ряды пролетариата целые слои господствующего класса или, по крайней мере, ставит под угрозу условия их жизни. Они также приносят пролетариату большое количество элементов образования**.

Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрывается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно — часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт.

* В английском издании 1888 г. вместо слов: «элементы своего собственного образования» напечатано — «элементы своего собственного политического и общего образования». — *Ред.*

** В английском издании 1888 г. вместо слов: «элементов образования» напечатано — «элементов просвещения и прогресса». — *Ред.*

Средине сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.

Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия — все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество.

Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией.

Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии.

Все донныне существовавшие общества основывались, как мы видели, на антагонизме между классами угнетающими и угнетенными. Но, чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы влачить, по крайней мере, свое рабское существование. Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом.

Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой. Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

II ПРОЛЕТАРИИ И КОММУНИСТЫ

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых* принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классово́й борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму.

Все отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной.

* В английском издании 1868 г. вместо «особых» сказано «сектантских». — Ред.

Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими*.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности.

Заработанная, благоприобретенная, добытая своим трудом собственность! Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день.

Или, быть может, вы говорите о современной буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? никоим образом. Он создает капитал, т. е. собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наемный труд, чтобы снова его эксплуатировать. Собственность в ее современном виде движется в противоположности между капиталом и наемным трудом. Рассмотрим же обе стороны этой противоположности.

Быть капиталистом — значит занимать в производстве не только чисто личное, но и общественное положение. Капитал — это коллективный продукт и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, а в конечном счете — только совместной деятельностью всех членов общества.

Итак, капитал — не личная, а общественная сила.

Следовательно, если капитал будет превращен в коллективную, всем членам общества принадлежащую, собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Она потеряет свой классовый характер.

Перейдем к наемному труду.

* В английском издании 1888 г. вместо слов: «эксплуатации одних другими» напечатано — «эксплуатации большинства меньшинством». — Ред.

Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы, т. е. сумма жизненных средств, необходимых для сохранения жизни рабочего как рабочего. Следовательно, того, что наемный рабочий присваивает в результате своей деятельности, едва хватает для воспроизводства его жизни. Мы вовсе не намерены уничтожить это личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим уничтожить только жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса.

В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Таким образом, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошлым. В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен.

И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и свободы! Она права. Действительно, речь идет об упразднении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

Под свободой, в рамках нынешних буржуазных производственных отношений, понимают свободу торговли, свободу купли и продажи.

Но с падением торгашества падет и свободное торгашество. Разговоры о свободном торгашестве, как и все прочие высокопарные речи наших буржуа о свободе, имеют вообще смысл лишь по отношению к несвободному торгашеству, к порабощенному горожанину средневековья, а не по отношению к коммунистическому уничтожению торгашества, буржуазных производственных отношений и самой буржуазии.

Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества.

Одним словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. Да, мы действительно хотим это сделать.

С того момента, когда нельзя будет более превращать труд в капитал, в деньги, в земельную ренту, короче — в общественную силу, которую можно монополизировать, т. е. с того момента, когда личная собственность не сможет более превращаться в буржуазную собственность, — с этого момента, заявляете вы, личность уничтожена.

Вы сознаетесь, следовательно, что личностью вы не признаете никого, кроме буржуа, т. е. буржуазного собственника. Такая личность действительно должна быть уничтожена.

Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд.

Выдвигали возражение, будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень.

В таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лени, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится. Все эти опасения сводятся к тавтологии, что нет больше наемного труда, раз не существует больше капитала.

Все возражения, направленные против коммунистического способа присвоения и производства материальных продуктов, распространяются также на присвоение и производство продуктов умственного труда. Подобно тому как уничтожение классовой собственности представляется буржуа уничтожением самого производства, так и уничтожение классового образования для него равносильно уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого он оплакивает, является для громадного большинства превращением в придаток машины.

Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса.

Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, вы разделяете

со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной.

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса*, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия.

Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой.

Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения.

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими

* В английском издании 1888 г. вместо слов: «подняться до положения национального класса» напечатано — «подняться до положения ведущего класса нации». — Ред.

идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области совести* лишь господство свободной конкуренции.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении.

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех донныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в таких формах, — формах сознания, — которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого.

Оставим, однако, возражения буржуазии против коммунизма.

Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

* В последующих изданиях, начиная с немецкого издания 1872 г., слова: «в области совести» заменены словами: «в области знания». — Ред.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности* между городом и деревней.
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д. и т. д.

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве

* В последующих немецких изданиях, начиная с издания 1872 г., слово: «противоположности» заменено словом: «различия». — *Ред.*

господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классово́й противоположности, а также классов вообще*, а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

III СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. РЕАКЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

а) ФЕОДАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Французская и английская аристократия по своему историческому положению была призвана к тому, чтобы писать памфлеты против современного буржуазного общества. Во французской июльской революции 1830 г. и в английском движении в пользу парламентской реформы ненавистный выскочка еще раз нанес ей поражение. О серьезной политической борьбе не могло быть больше и речи. Ей оставалась только литературная борьба. Но и в области литературы старые фразы времен реставрации** стали уже невозможны. Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе удовлетворение тем, что сочиняла пасквили на своего нового властителя и шептала ему на ухо более или менее злоещие пророчества.

Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самом сердце своим горьким, остроумным, язвительным

* В последующих немецких изданиях, начиная с издания 1872 г., слова: «а также классов вообще» заменены словами: «ликвидирует классы вообще». — *Ред.*

** Имеется в виду не английская реставрация 1660–1689 гг., а французская реставрация 1814–1830 годов. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.*)

приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории.

Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом.

Разыгрыванием этой комедии занималась часть французских легитимистов и «Молодая Англия»*.

Если феодалы доказывают, что их способ эксплуатации был иного рода, чем буржуазная эксплуатация, то они забывают только, что они эксплуатировали при совершенно других, теперь уже отживших, обстоятельствах и условиях. Если они указывают, что при их господстве не существовало современного пролетариата, то забывают, что как раз современная буржуазия была необходимым плодом их общественного строя.

Впрочем, они столь мало скрывают реакционный характер своей критики, что их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок.

Они гораздо больше упрекают буржуазию в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она порождает пролетариат вообще.

Поэтому в политической практике они принимают участие во всех насильственных мероприятиях против рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки всей своей напыщенной фразеологии, не упускают случая подобрать золотые яблоки** и променять верность, любовь, честь на барыш от торговли овечьей шерстью, свекловицей и водкой***.

Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным.

* *Легитимисты* — партия дворян-землевладельцев, сторонников восстановления династии Бурбонов, «*Молодая Англия*» — образовавшийся около 1842 г. кружок английских аристократов, политических деятелей и литераторов, примыкавших к консервативной партии. Видными представителями его были Дизраэли, Томас Карлейль и др. — *Ред.*

** В английском издании 1888 г. после слов: «золотые яблоки» вставлено — «падающие с древа промышленности». — *Ред.*

*** Это относится главным образом к Германии, где земельная аристократия и юнкерство ведут хозяйство на большей части своих земель за собственный счет через управляющих и вдобавок являются крупными владельцами свеклосахарных и винокуренных заводов. Более богатые английские аристократы до этого еще не дошли; но они тоже знают, как можно возмещать падение ренты, предоставляя свое имя учредителям более или менее сомнительных акционерных компаний. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.*)

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедывало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм — это лишь святая вода, которую поп кропит озлобление аристократа.

6) МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Феодалная аристократия — не единственный ниспровергнутый буржуазией класс, условия жизни которого в современном буржуазном обществе ухудшались и отмирали. Средневековое сословие горожан и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношении, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалась — и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь образуется — новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают уже видеть приближение того момента, когда с развитием крупной промышленности они совершенно исчезнут как самостоятельная часть современного общества и в торговле, промышленности и земледелии будут замещены надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но и в Англии.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях. Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету

пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семенных отношений и старых национальностей.

Но по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство — вот его последнее слово.

В дальнейшем своем развитии направление это вылилось в трусливое брюзжание*.

в) НЕМЕЦКИЙ, ИЛИ «ИСТИННЫЙ», СОЦИАЛИЗМ

Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под гнетом господствующей буржуазии и являющаяся литературным выражением борьбы против этого господства, была перенесена в Германию в такое время, когда буржуазия там только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма.

Немецкие философы, полуфилософы и любители красивой фразы жадно ухватились за эту литературу, позабыв только, что с перенесением этих сочинений из Франции в Германию туда не были одновременно перенесены и французские условия жизни. В немецких условиях французская литература утратила все непосредственное практическое значение и приняла вид чисто литературного течения. Она должна была казаться просто досужим размышлением об истинном обществе**, об осуществлении человеческой сущности. Так, требования первой французской революции для немецких философов XVIII века имели смысл лишь как требования «практического разума» вообще, а проявления воли революционной

* В английском издании 1888 г. вместо слов: «В дальнейшем своем развитии направление это вылилось в трусливое брюзжание» напечатано: «В конце концов, когда неопровержимые исторические факты заставили исчезнуть всякие следы упорного действия иллюзий, эта форма социализма вылилась в жалкое брюзжание». — *Ред.*

** В последующих изданиях, начиная с немецкого издания 1872 г., слов: «об истинном обществе» нет. — *Ред.*

французской буржуазии в их глазах имели значение законов чистой воли, воли, какой она должна быть, истинно человеческой воли.

Вся работа немецких литераторов состояла исключительно в том, чтобы примирить новые французские идеи со своей старой философской совестью или, вернее, в том, чтобы усвоить французские идеи со своей философской точки зрения.

Это усвоение произошло таким же образом, каким вообще усваивают чужой язык, путем перевода.

Известно, что на манускриптах, содержащих классические произведения языческой древности, монахи поверх текста писали нелепые жизнеописания католических святых. Немецкие литераторы поступили с нечестивой французской литературой как раз наоборот. Под французский оригинал они вписали свою философскую чепуху. Например, под французскую критику денежных отношений они вписали «отчуждение человеческой сущности», под французскую критику буржуазного государства — «упразднение господства Абстрактно-Всеобщего» и т. д.

Это подсовывание под французские теории своей философской фразеологии они окрестили «философией действия», «истинным социализмом», «немецкой наукой социализма», «философским обоснованием социализма» и т. д.

Французская социалистическо-коммунистическая литература была таким образом совершенно выхолощена. И так как в руках немца она перестала выражать борьбу одного класса против другого, то немец был убежден, что он поднялся выше «французской односторонности», что он отстаивает, вместо истинных потребностей, потребность в истине, а вместо интересов пролетариата — интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии.

Этот немецкий социализм, считавший свои беспомощные ученические упражнения столь серьезными и важными и так крикливо их рекламировавший, потерял мало-помалу свою педантическую невинность.

Борьба немецкой, особенно прусской, буржуазии против феодалов и абсолютной монархии — одним словом либеральное движение — становилась все серьезнее.

«Истинному» социализму представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, предавать традиционной анафеме либерализм, представительное государство, буржуазную конкуренцию,

буржуазную свободу печати, буржуазное право, буржуазную свободу и равенство и проповедывать народной массе, что в этом буржуазном движении она не может ничего выиграть, но, напротив, рискует все потерять. Немецкий социализм весьма кстати забывал, что французская критика, жалким отголоском которой он был, предполагала современное буржуазное общество с соответствующими ему материальными условиями жизни и соответственной политической конституцией, т. е. как раз все те предпосылки, о завоевании которых в Германии только еще шла речь.

Немецким абсолютным правительствам, с их свитой попов, школьных наставников, заскорузлых юнкеров и бюрократов, он служил кстати подвернувшимся пугалом против угрожающе наступающей буржуазии.

Он был подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль, которыми эти правительства умирляли восстания немецких рабочих.

Если «истинный» социализм становился таким образом оружием в руках правительств против немецкой буржуазии, то он и непосредственно служит выражением реакционных интересов, интересов немецкого мещанства*. В Германии действительную общественную основу существующего порядка вещей составляет мелкая буржуазия, унаследованная от XVI века и с того времени постоянно вновь появляющаяся в той или иной форме.

Сохранение ее равносильно сохранению существующего в Германии порядка вещей. От промышленного и политического господства буржуазии она со страхом ждет своей верной гибели, с одной стороны, вследствие концентрации капитала, с другой — вследствие роста революционного пролетариата. Ей казалось, что «истинный» социализм одним выстрелом убивает двух зайцев. И «истинный» социализм распространялся как зараза.

Вытканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами красноречия, пропитанный слезами слащавого умиления, этот мистический покров, которым немецкие социалисты прикрывали пару своих тощих «вечных истин», только увеличивал сбыт их товара среди этой публики.

Со своей стороны, немецкий социализм все более понимал свое призвание быть высокопарным представителем этого мещанства.

Он провозгласил немецкую нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина — образцом человека. Каждой его низости он придавал

* В английском издании 1888 г., в разделе об «истинном» социализме вместо выражений: «немецкое мещанство», «немецкий мещанин» употреблены выражения: «немецкие филистеры», «немецкий мелкобуржуазный филистер». — Ред.

сокровенный, возвышенный социалистический смысл, превращавший ее в нечто ей совершенно противоположное. Последовательный до конца, он открыто выступал против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и возвестил, что сам он в своем величественном беспристрастии стоит выше всякой классовой борьбы. За весьма немногими исключениями все, что циркулирует в Германии в качестве якобы социалистических и коммунистических сочинений, принадлежит к этой грязной, развращающей литературе*.

2. КОНСЕРВАТИВНЫЙ, ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ, СОЦИАЛИЗМ

Известная часть буржуазии желает излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества.

Сюда относятся экономисты, филантропы, поборники гуманности, радетели о благе трудящихся классов, организаторы благотворительности, члены обществ покровительства животным, основатели обществ трезвости, мелкотравчатые реформаторы самых разнообразных видов. Этот буржуазный социализм разрабатывался даже в целые системы.

В качестве примера приведем «Философию нищеты» Прудона.

Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако, без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата. Тот мир, в котором господствует буржуазия, конечно, кажется ей самым лучшим из миров. Буржуазный социализм разрабатывает это утешительное представление в более или менее цельную систему. Приглашая пролетариат осуществить его систему и войти в новый Иерусалим, он в сущности требует только, чтобы пролетариат оставался в теперешнем обществе, но отбросил свое представление о нем, как о чем-то ненавистном.

Другая, менее систематическая, но более практическая форма этого социализма стремилась к тому, чтобы внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному

* Революционная буря 1848 г. унесла все это гнусное направление и отбила охоту у его носителей спекулировать социализмом. Главным представителем и классическим типом этого направления является г. Карл Грюн. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 года.)

движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом, в лучшем же случае — лишь сокращающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие ее государственное хозяйство.

Самое подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит только тогда, когда превращается в простой ораторский оборот речи.

Свободная торговля! в интересах рабочего класса; покровительственные пошлины! в интересах рабочего класса; одиночные тюрьмы! в интересах рабочего класса — вот последнее, единственно сказанное всерьез, слово буржуазного социализма.

Социализм буржуазии заключается как раз в утверждении, что буржуа являются буржуа, — в интересах рабочего класса.

3. КРИТИЧЕСКИ-УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ

Мы не говорим здесь о той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабёфа и т. д.).

Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность.

Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый,

неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией, изображенный нами выше (см. «Буржуазия и пролетариат»).

Изобретатели этих систем, правда, видят противоположность классов, так же как и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят на стороне пролетариата никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения.

Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они точно так же не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия.

Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место исторических условий освобождения — фантастические условия, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс — организация общества по придуманному ими рецепту. Дальнейшая история всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов.

Правда, они сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса. Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат.

Однако неразвитая форма классовой борьбы, а также их собственное положение в жизни приводят к тому, что они считают себя стоящими высоко над этим классовым антагонизмом. Они хотят улучшить положение всех членов общества, даже находящихся в самых лучших условиях. Поэтому они постоянно апеллируют ко всему обществу без различия и даже преимущественно — к господствующему классу. По их мнению, достаточно только понять их систему, чтобы признать ее самым лучшим планом самого лучшего из возможных обществ.

Они отвергают поэтому всякое политическое, и в особенности всякое революционное, действие; они хотят достигнуть своей цели мирным путем и пытаются посредством мелких и, конечно, не удающихся опытов, силой примера проложить дорогу новому обществу евангелию.

Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества.

Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих. Их положительные выводы насчет будущего общества, например, уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, — все эти положения выражают лишь необходимость устранения классовой противоположности, которая только что начинала развиваться и была известна им лишь в ее первичной бесформенной неопределенности. Поэтому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер.

Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата. Поэтому они последовательно стараются вновь притупить классовую борьбу и примирить противоположности. Они все еще мечтают об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании внутренних колоний [«Home-colonies»], об устройстве маленькой Икарии* — карманного издания нового Иерусалима, — и для сооружения всех этих воздушных замков вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков. Они постепенно опускаются в категорию описанных выше реакционных или консервативных социалистов, отличаясь от них лишь более систематическим педантизмом и фанатической верой в чудодейственную силу своей социальной науки. Вот почему они с ожесточением выступают против всякого

* Фаланстерами назывались социалистические колонии, которые проектировал Фурье; Икарией Кабэ называл свою утопическую страну, а позднее свою коммунистическую колонию в Америке. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.)

Home-colonies (колониями внутри страны) Оуэн называл свои образцовые коммунистические общества. Фаланстерами назывались общественные дворцы, которые проектировал Фурье. Икарией называлась утопически-фантастическая страна, коммунистические учреждения которой описывал Кабэ. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 года.)

политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в новое евангелие. Оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции выступают — первые против чартистов, вторые против реформистов*.

IV

ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ К РАЗЛИЧНЫМ ОППОЗИЦИОННЫМ ПАРТИЯМ

После того, что было сказано в разделе II, понятно отношение коммунистов к сложившимся уже рабочим партиям, т. е. их отношение к чартистам в Англии и к сторонникам аграрной реформы в Северной Америке.

Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения. Во Франции, в борьбе против консервативной и радикальной буржуазии, коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии**, не отказываясь тем не менее от права относиться критически к фразам и иллюзиям, проистекающим из революционной традиции.

В Швейцарии они поддерживают радикалов, не упуская, однако, из виду, что эта партия состоит из противоречивых элементов, частью из демократических социалистов во французском стиле, частью из радикальных буржуа.

Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года.

В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной

* Речь идет о сторонниках газеты «La Reforme» («Реформа»), органа «социалистическо-демократической» партии. — Ред.

** Эта партия была тогда представлена в парламенте Ледрю-Ролленом, в литературе — Луи Бланом, в ежедневной печати — газетой «La Reforme». Название — социалистическо-демократическая — означало, что эта часть демократической или республиканской партии, как и авторы этого названия, была более или менее окрашена в социалистический цвет. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 года.)

Называвшая себя социалистическо-демократической партией во Франции была представлена в политической жизни Ледрю-Ролленом, в литературе Луи Бланом; таким образом, она, как небо от земли, отличалась от современной социал-демократии. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 года.)

монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после свержения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции.

Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя.

Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран.

Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ !

К. МАРКС

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА²

Публикуемая здесь рукопись — критика проекта программы вместе с сопроводительным письмом к Бракке — была в 1875 г., незадолго до объединительного съезда в Готе отправлена Бракке с просьбой показать ее Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту и вернуть затем обратно Марксу. Так как партийный съезд в Галле³ поставил в порядок дня партии дискуссию по поводу Готской программы, то я полагаю, что с моей стороны было бы преступлением, если бы я и дальше продолжал откладывать опубликование этого важного документа, пожалуй, самого важного из всех, относящихся к данной дискуссии.

Но рукопись эта имеет еще и другое, более широкое значение. В ней впервые ясно и четко выражено отношение Маркса к той линии, которой придерживался Лассаль с того момента, как он начал участвовать в агитации, и притом как к экономическим принципам Лассаля, так и к его тактике.

Беспощадная резкость, с какой Маркс анализирует здесь проект программы, неумолимость, с какой он высказывает сделанные им выводы, вскрывая недостатки проекта, — все это теперь, спустя пятнадцать лет, никого уже не может задеть. Специфические лассальянцы существуют еще только за границей в виде отдельных обломков, а от Готской программы, как совершенно неудовлетворительной, отказались в Галле даже ее творцы.

Тем не менее там, где это было возможно без ущерба для дела, я опустил некоторые резкие выражения и оценки, относящиеся к отдельным лицам, заменив их точками. Маркс сам поступил бы так же, если бы публиковал теперь эту рукопись. Ее местами резкий тон был вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, Маркс и я срослись с германским движением теснее, чем с каким-либо другим, так что решительный шаг назад, обнаружившийся в этом проекте программы, должен был возмутить нас особенно сильно.

Во-вторых, мы находились тогда — после Гаагского конгресса Интернационала⁴ едва прошло два года — в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами, которые возлагали на нас ответственность за все, что происходило в германском рабочем движении, так что мы должны были ожидать, что нам припишут и тайное отцовство в отношении этой программы. Эти соображения теперь отпадают, а вместе с ними отпадает и необходимость тех мест, о которых идет речь.

Некоторые фразы заменены точками также и по цензурным соображениям. Там, где мне приходилось выбирать более мягкое выражение, я заключал его в прямые скобки. В остальном рукопись перепечатана дословно.

Фридрих Энгельс

Лондон, 6 января 1891 г.

*Напечатано в журнале
«Die Neue Zeit», Bd. 1, № 18,
1890—1891 гг.*

*Печатается по тексту Сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса,
т. 22, с. 95—96*

К. МАРКС

ПИСЬМО В. БРАККЕ

Лондон, 5 мая 1875 г.

Дорогой Бракке!

Нижеследующие критические замечания к объединительной программе будьте добры по прочтении передать для ознакомления Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Я завален работой и вынужден переступить уже далеко за рамки рабочего времени, разрешенного мне врачами. Поэтому мне отнюдь не доставило особого «удовольствия» исписать так много бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначается это сообщение, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять. — Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда; мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространено заботливо поддерживаемое врагами партии мнение — мнение совершенно ложное, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии. Еще в своей недавно появившейся на русском языке книге Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. упомянутой партии, но даже и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с Народной партией.

Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы лишь посредством дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию.

Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было — а обстоятельства этого не допускали — пойти *далее* эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено

более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения.

Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и, со своей стороны, признают эти мандаты обязательными, т. е. сдают на милость или немилость тех, кто сам нуждается в помощи. К довершению всего они созывают съезд *еще до согласительного съезда*, между тем как собственная партия созывает свой съезд только *post festum**. Здесь явно стремились сорвать всякую критику и не дать опомниться собственной партии. Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой.

Впрочем программа никуда не годится и независимо от того, что она канонизирует лассалевский символ веры.

В ближайшее время я пришлю Вам последние выпуски французского издания «Капитала»⁵. Печатание было на долгое время задержано запрещением французского правительства. На этой неделе или в начале следующей книга будет готова. Получили ли Вы 6 первых выпусков? Сообщите мне, пожалуйста, также *адрес* Бернхарда Беккера, которому я тоже должен послать последние выпуски.

У *книгоиздательства* «*Volksstaat*» своеобразные нравы. Так, например, мне до сих пор даже не прислали ни одного экземпляра нового издания «Кёльнского процесса коммунистов»⁶.

С сердечным приветом

Ваш Карл Маркс

* — буквально; после праздника, т. е. с опозданием. Ред.

К. МАРКС

ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОГРАММЕ ГЕРМАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

I

1. «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, а так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Первая часть параграфа: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры».

Труд *не есть источник* всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы. Приведенную выше фразу вы встретите во всяком детском букваре, и она правильна постольку, поскольку в ней *подразумевается*, что труд совершается при наличии соответствующих предметов и орудий. Но в социалистической программе не должны допускаться подобные буржуазные фразы, обходящие молчанием те *условия*, которые одни только и придают им смысл. Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с ней как с принадлежащей ему вещью, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а следовательно, и богатства. У буржуа есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу*, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда. Только с их разрешения может он работать, стало быть, только с их разрешения — жить.

Но оставим уж эту фразу, как она есть, каковы бы ни были ее недостатки. Какого же заключения надо бы ожидать? Очевидно, следующего:

«Так как труд есть источник всякого богатства, то ни один член общества не может и присваивать себе богатство иначе, как присваивая продукт труда. Если же он сам не работает, то он живет чужим трудом, и свою культуру он также приобретает за счет чужого труда».

Вместо этого при помощи словечек «а так как» к первому предложению пристегивается второе, чтобы вывод сделать из этого второго предложения, а не из первого.

Вторая часть параграфа: «Приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества».

Согласно первому положению, труд являлся источником всякого богатства и всякой культуры, а следовательно, никакое общество не возможно без труда. Теперь же мы узнаем, наоборот, что никакой «приносящий пользу» труд не возможен без общества.

С таким же успехом можно было бы сказать, что только в обществе бесполезный или даже вредный для общества труд может стать отраслью промышленности, что только в обществе можно жить праздно и т. д. и т. д., — короче, переписать всего Руссо.

А что такое «приносящий пользу» труд? Ведь это всего лишь такой труд, который достигает намеченного полезного результата. Дикарь (а человек — дикарь, после того как он перестал быть обезьяной), который убивает камнем зверя, собирает плоды и т. д., совершает «приносящий пользу» труд.

В-третьих. Заключение: «А так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Вот так заключение! Если приносящий пользу труд возможен только в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит обществу, а на долю отдельного рабочего придется из этого дохода лишь то, что не требуется на содержание «условия» труда — общества.

И в самом деле, во все времена защитники каждого данного общественного строя выдвигали это положение. Прежде всего выступают притязания правительства и всего того, что к нему липнет, — ведь правительство является, мол, общественным органом для сохранения общественного порядка; затем следуют притязания различных видов частной собственности, так как различные виды частной собственности составляют, мол, основы общества, и так

далее. Эти пустые фразы можно, как видите, вертеть и поворачивать как угодно.

Сколько-нибудь разумную связь первая и вторая части параграфа могут иметь лишь в следующей редакции:

«Источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд», или, что то же самое, «в обществе и при посредстве общества».

Это положение бесспорно правильно, так как если обособленный труд (предполагается, что его вещественные условия имеются налицо) и может создавать потребительные стоимости, то ни богатства, ни культуры он создать не может.

Но столь же бесспорно и другое положение:

«По мере того как происходит общественное развитие труда и таким образом труд становится источником богатства и культуры, — развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего».

Это — закон всей истории до настоящего времени. Следовательно, вместо общих фраз о «труде» и «обществе» нужно было ясно показать, как в современном капиталистическом обществе были, наконец, созданы те материальные и прочие условия, которые делают рабочих способными сокрушить это общественное проклятие и заставляют их это сделать.

На самом же деле весь этот параграф, неудачный по форме, ошибочный по содержанию, вставлен здесь лишь для того, чтобы лассалевскую формулу о «неурезанном трудовом доходе» написать в качестве первого лозунга на партийном знамени. Я еще вернусь к «трудовому доходу», к «равному праву» и пр., так как то же самое повторяется в несколько иной форме и дальше.

2. «В современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов. Обусловленная этим зависимость рабочего класса есть причина нищеты и порабощения во всех формах».

Это заимствованное из устава Интернационала положение в данной «исправленной» редакции ложно.

В современном обществе средства труда составляют монополию земельных собственников (монополия земельной собственности является даже основой монополии капитала) и капиталистов. В соответствующем пункте устав Интернационала не называет ни того, ни другого класса монополистов. Он говорит о «*монополии на средства труда, т. е. на источники жизни*»⁷. Добавление

«источники жизни» достаточно показывает, что в средства труда включена также и земля.

Исправление было сделано потому, что Лассаль по мотивам, в настоящее время всем известным, напал только на класс капиталистов, но не на земельных собственников. В Англии капиталист по большей части не является собственником даже той земли, на которой стоит его фабрика.

3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в достояние всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода».

«Возведение средств труда в достояние всего общества» (!) означает, по-видимому, их «превращение в достояние всего общества». Но это лишь мимоходом.

Что такое «*трудоу*вой доход»? Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, вся ли стоимость продукта или только та часть стоимости, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?

«Трудовой доход» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.

Что такое «справедливое» распределение?

Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?

Чтобы знать, что в данном случае подразумевают под словами «справедливое» распределение, мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общественное достояние и совокупный труд регулируется коллективно», а в первом параграфе мы видим, что «доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Где же тогда «неурезанный трудовой доход»? Только работающим членам общества? Где же тогда «равное право» всех членов общества?

Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом коммунистическом обществе

каждый работник должен получить лассалевский «неурезанный трудовой доход».

Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется совокупным общественным продуктом.

Из него надо теперь вычесть:

Во-первых, то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.

Во-вторых, добавочную часть для расширения производства.

В-третьих, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.

Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.

Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:

Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.

Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных.

Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества.

Подобно тому как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.

В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является правом *буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь *в среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой — трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное право* есть *неравное право* для *неравного труда*. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает *неравную индивидуальную одаренность*, а следовательно, и *неравную работоспособность* естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть *право неравенства*, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но *неравные индивиды* (а они не были бы различными индивидами, если бы не были *неравными*) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть *неравным*.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только

средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!

Я остановился более обстоятельно на «неурезанном трудовом доходе», с одной стороны, и на «равном праве» и «справедливом распределении» — с другой, для того чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пустившее в ней корни, идеологическим правовым и прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов.

Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и делать на нем главное ударение.

Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?

4. «Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*».

Первая строфа взята из вступительных слов устава Интернационала, но подверглась «исправлению». Там сказано: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих»⁸, здесь же, напротив, «рабочий класс» должен освободить — что? — «труд». Пойми, кто может.

Зато, как бы в виде возмещения, следует антистрофа — лассалевская цитата чистейшей воды: «по отношению к которому (рабочему классу) все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*».

В «Коммунистическом манифесте» сказано: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой *действительно революционный класс*. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт».

Буржуазия, как носительница крупной промышленности, рассматривается здесь как революционный класс по отношению к феодалам и средним сословиям, стремящимся удержать за собой все те социальные позиции, которые созданы устарелыми способами производства. Следовательно, они не образуют *вместе с буржуазией* лишь одну реакционную массу.

С другой стороны, пролетариат революционен по отношению к буржуазии, потому что он, выросши сам на почве крупной промышленности, стремится лишить производство того капиталистического характера, который старается увековечить буржуазия. Но «Манифест» при этом добавляет, что «средние сословия» становятся революционными «постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата»⁹.

С этой точки зрения, следовательно, опять-таки бессмыслица, будто по отношению к рабочему классу они «вместе с буржуазией» и вдобавок еще с феодалами «составляют *лишь одну реакционную массу*».

Разве на последних выборах заявляли ремесленникам, мелким промышленникам и т. п., а также *крестьянам*: «по отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете *лишь одну реакционную массу*»?

Лассаль знал «Коммунистический манифест» наизусть так же, как его правоверные последователи знают составленные им священные писания. И если он так грубо искажил «Манифест», то сделал

это лишь для того, чтобы оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии.

Кроме того, к вышеуказанному параграфу премудрое лассалевское изречение вообще притянуто за волосы, без всякой связи с этой нелепо «исправленной» цитатой из устава Интернационала. Здесь перед нами просто наглая выходка, и уж, конечно, отнюдь не неприятная г-ну Бисмарку, одна из тех дешевых дерзостей, которыми промышляет берлинский Марат.

5. «Рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего в *рамках современного национального государства*, сознавая, что необходимым, результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов».

В противоположность «Коммунистическому манифесту» и всему предшествующему социализму, Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой национальной точки зрения. Ему в этом подражают, — и это после деятельности Интернационала!

Само собой разумеется, что рабочий класс, для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организоваться как класс и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в «Коммунистическом манифесте», «по форме» является национальной. Однако «рамки современного национального государства» — к примеру, Германской империи — сами в свою очередь находятся экономически «в рамках мирового рынка», политически — «в рамках системы государств». Любому купцу известно, что германская торговля есть в то же время и внешняя торговля, и величие г-на Бисмарка состоит как раз в проведении известного рода *международной* политики.

К чему же сводит германская рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее стремлений будет «*международное братство народов*». Эта фраза, заимствованная у буржуазной Лиги мира и свободы, должна сойти за эквивалент международного братства рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств. Итак, о *международных функциях* германского рабочего класса — ни слова! И это все, что ему предлагают противопоставить своей собственной буржуазии, братски объединившейся уже против него с буржуазией всех других стран, и международной заговорщической политике г-на Бисмарка!

Поистине, интернационализм программы стоит *еще* бесконечно ниже, чем интернационализм партии свободной торговли. И та тоже утверждает, что результатом ее стремлений будет «международное братство народов». Но она и *делает* кое-что для того, чтобы сделать торговлю международной, и отнюдь не удовлетворяется сознанием того, что все народы у себя дома занимаются торговлей.

Международная деятельность рабочего класса разных стран не находится никоим образом в зависимости от существования «*Международного Товарищества Рабочих*». Последнее было лишь первой попыткой создать для этой деятельности центральный орган, попыткой, которая благодаря данному ей толчку оставила неизгладимые результаты, но которую в *ее* первой исторической форме после падения Парижской Коммуны нельзя было дальше проводить.

Бисмарковская «*Norddeutsche*» имела полное право возвестить к удовольствию своего хозяина, что германская рабочая партия в новой своей программе отрекалась от интернационализма.

II

«Исходя из этих принципов, германская рабочая партия добивается всеми законными средствами *свободного государства* — и — социалистического общества: упразднения системы заработной платы *вместе с ее железным законом* — и — эксплуатации во всех ее формах; устранения всякого социального и политического неравенства».

К «свободному» государству я вернусь дальше.

Итак, германская рабочая партия должна впредь верить в «железный закон» Лассаля! Чтобы найти ему место в программе, допускают бессмыслицу, говоря об «устранении системы заработной платы (следовало бы сказать: системы наемного труда) *вместе с ее железным законом*». Если я устраняю этот наемный труд, то, естественно, я устраняю и его законы, будь они «железные» или мягкие, как губка. Но борьба Лассаля против наемного труда вращается почти исключительно вокруг этого так называемого закона. Поэтому, чтобы доказать, что лассальянская секта победила, «система заработной платы» должна быть уничтожена *вместе с ее железным законом*, а не без него.

Как известно, в «железном законе заработной платы» Лассалю не принадлежит ничего, кроме слова «железный», заимствованного

им из гётевских «вечных, железных, великих законов»*. Слово «железный» — это ярлычок, по которому узнают друг друга правоверные. Но если я принимаю закон с его лассалевским штемпелем, а следовательно, и в лассалевском смысле, то я вынужден также принять и лассалевское обоснование его. Что же оно представляет собой?

Как показал Ланге уже вскоре после смерти Лассалья, это — (проповедуемая самим Ланге) мальтусовская теория народонаселения¹⁰. Но если эта теория правильна, то устранить «железный закон» я уж никак не могу, даже сто раз устранив наемный труд, потому что закон этот властвует тогда уже не только над системой наемного труда, но и над *всякой общественной системой*. Опираясь как раз на эту теорию, экономисты уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может устранить нищеты, обусловленной *самой природой*, а может лишь сделать ее *всеобщей*, равномерно распределив ее по всей поверхности общества!

Но все это еще не самое главное. Совершенно независимо от ложного понимания Лассалем этого закона, поистине возмутительный шаг назад заключается в следующем.

Со времени смерти Лассалья в *нашей* партии пробило себе дорогу научное понимание того, что *заработная плата* является не тем, чем она *кажется*, не *стоимостью* — или *ценой* — *труда*, а лишь замаскированной формой *стоимости* — или *цены* — *рабочей силы*. Этим самым раз навсегда опрокидывались как буржуазное понимание заработной платы, так и вся критика, направленная до тех пор против этого понимания, и ясно устанавливалось, что наемному рабочему разрешают работать для поддержания своего собственного существования, т. е. разрешают *жить* лишь постольку, поскольку он известное количество времени работает даром в пользу капиталиста (а следовательно, и его соучастников по пожиранию прибавочной стоимости); что той осью, вокруг которой вращается вся система капиталистического производства, является стремление увеличить этот даровой труд путем удлинения рабочего дня или путем поднятия производительности труда, соответственно — путем большего напряжения рабочей силы и т.д.; что, следовательно, система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего. И вот теперь, после того как это понимание все более и более прокладывает себе путь в нашей партии,

* Из стихотворения Гёте «Божественное». *Ред.*

возвращаются назад к догмам Лассаля, хотя теперь-то должны были бы знать, что Лассаль *не понимал*, что такое заработная плата, и вслед за буржуазными экономистами принимал видимость за сущность дела.

Это равносильно тому, как если бы рабы, открыв, наконец, тайну своего рабства, подняли восстание, а один из них, весь еще во власти устаревших представлений, вписал бы в программу восстания: рабство должно быть уничтожено, потому что при системе рабства продовольствование рабов не может подняться выше определенного, весьма низкого максимума!

Один уже тот факт, что представители нашей партии способны были совершить такое чудовищное покушение на распространенное в партийных массах понимание, — не показывает ли одно это, с каким преступным легкомыслием, с какой бессовестностью приступили они к делу составления компромиссной программы!

Вместо неопределенной заключительной фразы в конце параграфа: «устранение всякого социального и политического неравенства», следовало сказать, что с уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое вытекающее из них социальное и политическое неравенство.

III

«Чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса, германская рабочая партия требует учреждения производительных товариществ с государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии должны быть вызваны к жизни в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация совокупного труда».

Следом за лассалевским «железным законом заработной платы» — целительное средство того же пророка. «Путь пролагается» ему достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном вопросе», к «разрешению» которого «пролагается путь». Вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые «вызываются к жизни» государством, а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассаля, будто с помощью государственных

субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!

Из-за остатка стыдливости «государственную помощь» ставят... под демократический контроль «трудящегося народа».

Во-первых, «трудящийся народ» в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев.

Во-вторых, слово «демократический» в переводе на немецкий язык означает «народовластный». Что же это за «народовластный контроль трудящегося народа»? К тому же у такого трудящегося народа, который, обращаясь с подобными требованиями к государству, вполне признает тем самым, что он и не стоит у власти и не созрел для нее!

Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше в противовес французским социалистам и который был принят реакционными рабочими из «Atelier»¹¹. И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.

Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью. Что же касается теперешних кооперативных товариществ, то они ценны *лишь* постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии.

IV

Перехожу теперь к демократическому разделу:

А. «Свободная основа государства».

Прежде всего, согласно II разделу, германская рабочая партия добивается «свободного государства».

Свободное государство — что это такое?

Сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи «государство» почти

столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства».

Германская рабочая партия — по крайней мере, если она принимает эту программу, — обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как «основу» существующего государства (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными «духовными, нравственными, свободными, основами».

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе словами: «современное государство» и «современное общество», а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

«Современное общество» есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*.

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме всем известных демократических перепевов: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и прочее. Это простой отголосок буржуазной Народной партии, Лиги мира и свободы. Все это сплошь требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже *осуществлены*. Только государство, их осуществившее, находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и так далее. Подобного рода «государство будущего» есть *современное государство*, хотя и существующее вне «рамок» Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах «современного национального государства», стало быть, своего государства, прусско-германской империи, — да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так как требуют ведь только того, чего не имеют, — то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещицы покоятся на признании так называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в *демократической республике*.

Раз уж не хватило мужества требовать демократической республики, как это делали французские рабочие программы при Луи-Филиппе и Луи-Наполеоне, — и разумно, ибо обстоятельства предписывают осторожность, — то незачем было прибегать и к этой уловке, которая не является ни «честной», ни достойной, — требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодалными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, и сверх того еще торжественно заверять такое государство, что воображают добиться от него чего-либо подобного «законными средствами»!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление царства божия на земле и совсем

не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием, — даже она стоит все же неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого.

Что под «государством» на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм, на это достаточно указывают уже слова: «Германская рабочая партия требует в качестве экономической основы государства: единого прогрессивного подоходного налога» и так далее. Налоги — это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого. В существующем в Швейцарии «государстве будущего» это требование почти выполнено. Подоходный налог предполагает различные источники доходов различных общественных классов, — предполагает, следовательно, капиталистическое общество. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ливерпульские поборники финансовой реформы — буржуа во главе с братом Гладстона — выставляют те же требования, что и рассматриваемая программа.

В. «В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и *равного* для всех народного воспитания через посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения».

Равное для всех народное воспитание? Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе (а только о нем и идет речь) воспитание для всех классов может быть *равным*? Или требуют, чтобы и высшие классы были принудительным образом низведены до скромного уровня воспитания — народной школы, — единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?

«Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе — в Швейцарии и Соединенных Штатах в отношении народной школы. Если в некоторых штатах Северной Америки обучение в средних учебных заведениях также «бесплатно», то фактически это означает только, что высшие классы покрывают расходы по своему воспитанию из общих налоговых средств. Заметим мимоходом, что то же самое относится к «бесплатному судопроизводству», которого требует пункт 5 раздела А. Уголовная юстиция повсюду

бесплатна. Гражданская же юстиция занята почти исключительно конфликтами из-за собственности, следовательно, касается почти исключительно имущих классов. Что же, предложить им вести свои процессы за счет народных средств?

Параграф, относящийся к школам, должен был бы по меньшей мере требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой.

Никуда не годится «народное воспитание через посредство государства». Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, учебные дисциплины и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона, — нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа! Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, что речь идет о «государстве будущего», — мы видели, как в этом отношении обстоит дело), наоборот, государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа.

Но вся программа, несмотря на всю демократическую трескотню, насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса, или, вернее, она является компромиссом между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму.

«Свобода науки» — так гласит один из параграфов прусской конституции. К чему он здесь?

«Свобода совести»! Если теперь, во время «культуркампфа»¹², хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос. Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Однако у нас не желают переступить «буржуазный» уровень.

Я подошел теперь к концу, так как следующее далее в программе добавление не является существенной ее частью. Ограничусь здесь поэтому лишь краткими замечаниями.

2. «Нормальный рабочий день».

Ни в одной другой стране рабочая партия не ограничивалась таким неопределенным требованием, но всегда указывала точно, какую продолжительность рабочего дня при данных условиях считают нормальной.

3. «Ограничение женского и запрещение детского труда».

Нормирование рабочего дня должно уже включать ограничение женского труда, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и прочее; помимо того, оно может означать лишь запрещение женского труда в тех отраслях производства, которые особенно вредны для женского организма или же для женщин несовместимы с нравственностью. Если подразумевали именно это, то так и следовало сказать.

«Запрещение детского труда»! Здесь абсолютно необходимо было указать *предельный возраст*.

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием.

Проведение этой меры, — если бы оно было возможно, — было бы реакционно, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

4. «Государственный надзор за фабричной, ремесленной и домашней промышленностью».

Имея в виду прусско-германское государство, следовало определенно требовать, чтобы фабричные инспектора были сменяемы не иначе, как по суду; чтобы всякий рабочий мог привлекать их к суду за нарушение служебных обязанностей; чтобы должность инспекторов занимали лишь лица с медицинским образованием.

5. «Регулирование труда заключенных».

Мелочное требование в общей рабочей программе. Во всяком случае, следовало ясно сказать, что рабочие вовсе не хотят из опасения конкуренции, чтобы с уголовными преступниками обращались, как

со скотом, и в особенности, чтобы их лишали единственного средства исправления — производительного труда. Уже это — минимум того, чего можно ожидать от социалистов.

6. «Действенный закон об ответственности».

Следовало сказать, что подразумевается под «действенным» законом об ответственности.

Замечу, между прочим, что в параграфе относительно нормального рабочего дня забыта та часть фабричного законодательства, которая касается санитарно-гигиенических мероприятий и предохранительных мер против несчастных случаев и прочее. Закон об ответственности вступает в действие лишь тогда, когда нарушаются эти предписания.

Словом, и это добавление отличается такой же неряшливой редакцией.

Dixi et salvavi animam meam*.

*Написано К. Марксом
в апреле — начале мая 1875 г.*

*Печатается по тексту Сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса,
Т. 19, с. 9—32*

*Напечатано с некоторыми
сокращениями в журнале
«Neue Zeit», т. 1, № 18, 1891*

* — Я сказал и спас свою душу. Ред.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ¹³

Лондон, 18—28 марта 1875 г.

Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и радуюсь, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории с объединением? К сожалению, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщал; поэтому и мы знаем не больше того, что есть в газетах, а в них ничего не писали, пока дней восемь тому назад не появился проект программы. Проект этот, конечно, поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или, по крайней мере, хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклеверов, Гассельманов и Тельке, что даже ребенок должен был бы отсюда сделать такой вывод: раз эти господа теперь сами приходят с предложением примирения, значит они находятся в дьявольски затруднительном положении. Но, имея в виду хорошо известный характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили вновь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей «государственной помощи» и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г.¹⁴ или же ее исправленное издание, приуроченное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассальянцев в теоретическом отношении, т. е. в том, что для программы имеет решающее значение; лассальянцы же могли бы, конечно, поучиться у нашей партии. Первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, — следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признали ее подчиненной переходной мерой наряду со многими другими возможными мерами. Проект программы

доказывает, что наши люди, будучи в теоретическом отношении во сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; «честных»* и на этот раз жестоко околпачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время такой пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы Социал-демократическая рабочая партия годами идти рука об руку с ней, с Народной партией¹⁵? Как мог бы «Volkstaat»¹⁶ черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической «Frankfurter Zeitung»¹⁷? И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой Народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований: 1—5 и 1—2, среди которых нет ни одного, не являющегося буржуазно-демократическим¹⁸.

Во-вторых, принцип интернациональности рабочего движения практически для настоящего времени совершенно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения главным образом благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так хорошо. И вот теперь им предлагают отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — и не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет, — а на будущее «международное братство народов», на «Соединенные Штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира!¹⁹

* — «честными» называли эйзенахцев. Ред.

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как таковом. Но нужно было по меньшей мере не сделать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: *хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и, в особенности, говорить что-либо ложное), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства существуют и без того, чтобы провозглашать себя или считать себя частью Интернационала; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейкбрехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или разражающихся династических войн, во время таких войн — тактика, подобная той, которая была образцово проведена в 1870 и 1871 гг., и тому подобное²⁰.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», основанный на совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимум* заработной платы, и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассалья). Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железные, а, напротив, очень эластичные и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Мальтузианское обоснование закона, списанного Лассалем у Мальтуса и Рикардо (с извращением последнего), как оно, например, цитируется на стр. 5 «Книги для чтения рабочих» из другой брошюры Лассалья, подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала»²¹. Приняв лассалевский «железный закон», признали, следовательно, ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль ее украл у Бюше. И это после того, как Бракке очень хорошо вскрыл всю никчемность этого требования²², после того, как почти все, если не все, ораторы нашей партии вынуждены были в борьбе с лассальянцами выступить против этой «государственной помощи»! Большого унижения

для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гёгга, социализм, опустившийся до буржуазного республиканизма Бюше, который выдвинул это требование в *противовес социалистам*, в целях борьбы с ними!

Но «государственная помощь» в лассалевском смысле есть в лучшем случае только одно из многих мероприятий для достижения цели, что здесь, в проекте программы, выражено беспомощными словами: «чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса», — как будто для нас еще существует какой-то теоретически *не разрешенный социальный вопрос!* Если, стало быть, сказать: «германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели», — то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить.

В-пятых, об организации рабочего класса, как класса, посредством профессиональных союзов не сказано ни слова. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не может задуть даже самая жестокая реакция (как теперь в Париже). При той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо напомнить о ней в программе и по возможности отвести ей определенное место в партийной организации.

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путаных, *чисто демократических требований*, из коих некоторые являются просто предметами моды, как например, «народное законодательство», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит. «Управление через посредство народа» еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие всякой свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву.

О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят несколько странно, я распространяться не стану.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению

к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона²³, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собой распускается [sich auflöst] и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова «государство» слово «община» [Gemeinwesen], прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна».

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «уничтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства*, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое как определенная *ступень развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса.

Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, написанной к тому же вялым и бесцветным языком, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *никогда* не согласимся примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны будем очень серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия германской Социал-демократической

рабочей партии делают ответственными нас. Так Бакунин в своем сочинении «Государственность и анархия» делает нас ответственными за всякое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Demokratisches Wochenblatt»²⁴. Люди воображают, что мы отсюда командуем всем движением, тогда как Вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические*. Но Вы сами поймете, что эта программа образует поворотный пункт, который очень легко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же новая программа всегда представляет собой открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким рассматриваемый проект является по сравнению с эйзенахской программой. Ведь надо же было подумать и о том, что скажут об этой программе рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согласятся пережевывать в своих выступлениях заученные наизусть фразы Лассалья о железном законе заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! А если бы они и пошли на это, их освистали бы их слушатели. Между тем я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как ростовщик Шейлок на своем фунте мяса*. Произойдет раскол; но предварительно мы восстановим «честное» имя Гассельмана, Газенклевера, Тёльке и компании; после раскола мы окажемся ослабленными, а лассальянцы — окрепшими; наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять тогда, что они — самая подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, — то в доказательство они смогут указать на эту программу. Все социалистические мероприятия в этой последней принадлежат

* Шекспир. «Венецианский купец», акт 1, сцена третья. Ред.

им, в то время как наша партия внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии, которую, однако, она сама в той же самой программе охарактеризовала как часть «реакционной массы».

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Но вот только что пришло письмо от Бракке, у которого тоже возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хочет узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать про всю эту канитель сначала. Впрочем, я изложил дело напрямик также и Рамму, а Либкнехту написал лишь вкратце. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам ни слова обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не стало уже, так сказать, слишком поздно. Правда, так поступал он издавна — и отсюда та обширная неприятная переписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и мы решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути.

Постарайтесь устроить так, чтобы летом приехать сюда. Будете жить, конечно, у меня, и, если погода будет хорошая, мы могли бы на несколько дней поехать на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

Маркс недавно переменял квартиру. Его адрес: 41, Мейтленд-парк, Кресент, Норд-Уэст, Лондон.

Написано 18—28 марта 1875 г.

Печатается по тексту Сочинений

К. Маркса и Ф. Энгельса,

т. 19, с. 1—8

Впервые напечатано в книге:

А. Bebel. «Aus meinem Leben»,

Т. II, Stuttgart, 1911

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО КАРЛУ КАУТСКОМУ В ШТУТГАРТ

Лондон, 23 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский!

Мое спешное поздравление, посланное тебе третьего дня, ты, вероятно, уже получил*. А теперь вернемся опять все к тому же, к письму Маркса**.

Опасение, что оно даст оружие в руки врагов, оказалось необоснованным. Злобные инсинуации можно, конечно, распространять по всякому поводу, но в общем и целом эта беспощадная самокритика произвела на противников совершенно ошеломляющее впечатление и вызвала у них определенное чувство: какой же внутренней силой должна обладать та партия, которая может сама себе преподносить подобные вещи! Это ясно видно из газет противников, присланных тобой (большое спасибо!) и полученных мною из других мест. Откровенно говоря, и я тоже думал об этом, когда собирался опубликовать данный документ. Я знал, что он должен был в первый момент кое-кого затронуть весьма неприятно, но избежать этого было невозможно, а само содержание документа, по моему мнению, перевешивало это с избытком. Я знал также, что партия была более чем достаточно сильна, чтобы выдержать это, и рассчитывал на то, что и в настоящее время она *выдержит* также тот откровенный язык, каким это было высказано 15 лет тому назад; что можно будет с заслуженной гордостью сослаться на эту пробу сил и сказать: где найдется другая такая партия, которая бы осмелилась сделать что-либо подобное? Между тем сказать это предоставили саксонской и венской «Arbeiter-Zeitung» и «Züricher Post»²⁵.

Если ты в № 21 «Neue Zeit» берешь на себя ответственность за публикацию²⁶, то это очень похвально с твоей стороны, но не забудь, что первый толчок дал все-таки я и что к тому же я до известной степени не оставил тебе выбора. Поэтому я беру главную ответственность на себя. Что касается частных мнений, то на этот счет всегда могут быть различные мнения. Я вычеркнул и изменил все, против чего ты и Диц возражали, и если бы Диц отметил еще больше мест, я и тут был бы по возможности сговорчив; мою сговорчивость я вам всегда доказывал на деле. Но что касается главного, то *моим долгом* было опубликовать эту рукопись, как только программа была поставлена на обсуждение. К тому же после доклада Либкнехта в Галле²⁷,

* См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 29. *Ред.*

** Маркс К. Критика Готской программы. *Ред.*

в котором он частью бесцеремонно использует, как свою собственность, свои выписки из марксовой критики, а частью полемизирует с ней, не называя самого документа, Маркс непременно противопоставил бы этой переработке свой оригинал, и я был обязан сделать это вместо него. К сожалению, у меня тогда еще не было в руках самого документа; я его нашел только гораздо позже, после долгих поисков.

Ты говоришь, что Бебель писал тебе о том, что обращение Маркса с Лассалем вызвало раздражение у старых лассальянцев. Очень может быть. Эти люди не знают ведь действительной истории, и, казалось бы, неплохо их в этом отношении просветить. Если этим людям неизвестно, что все величие Лассаля основывалось на том, что Маркс позволял ему в течение долгих лет украшать себя результатами марксовых научных исследований как своими собственными и вдобавок извращать их из-за своей недостаточной экономической подготовки, то это не моя вина. Но я являюсь литературным душеприказчиком Маркса, и это возлагает на меня определенные обязанности.

Вот уже 26 лет, как Лассаль принадлежит истории. Если в период исключительного закона²⁸ Лассаля не подвергали исторической критике, то теперь наступает, наконец, время, когда она должна вступить в свои права и выяснить действительное положение Лассаля по отношению к Марксу. Ведь не может же стать символом веры партии легенда, прикрывающая истинный образ Лассаля и превозносящая его до небес. Как бы высоко ни оценивать заслуги Лассаля перед движением, его историческая роль в нем остается двойственной. За Лассалем-социалистом по пятам следует Лассаль-демагог. Сквозь Лассаля-агитатора и организатора всюду проглядывает адвокат, ведущий гацфельдтовский процесс²⁹: тот же цинизм в выборе средств, то же стремление окружать себя сомнительными и продажными людьми, которых можно использовать как простое орудие, а затем выбросить вон. Будучи до 1862 г. на практике специфически прусским вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями (я только что просмотрел его письма к Марксу), он по причинам чисто личного характера внезапно переменял фронт и начал свою агитацию. И не прошло двух лет, как он уже начал требовать, чтобы рабочие стали на сторону королевской власти против буржуазии, и завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он на свое счастье не был вовремя застрелен. В его агитационных брошюрах то правильное, что он заимствовал у Маркса, настолько переплетено с его собственными, лассалевскими, и, как правило, ошибочными рассуждениями, что почти нет возможности отделить одно от другого. Та часть рабочих, которая чувствует себя задетой

оценкой Маркса, знает Лассалья только по двум годам его агитации, да и на нее смотрит сквозь розовые очки. Но перед такими предрассудками историческая критика не может навеки застыть в почтительной позе. Моим долгом было раз навсегда вскрыть, наконец, подлинное отношение между Марксом и Лассалем. Это теперь сделано, и этим я могу пока удовольствоваться. К тому же сам я занят сейчас другими делами. А опубликованное беспощадное суждение Маркса о Лассале уже само по себе произведет нужное действие и придаст мужества другим. Но если бы обстоятельства заставили меня выступить, то у меня не осталось бы выбора: я должен был бы раз навсегда покончить с легендой о Лассале.

Поистине великолепно, что внутри фракции раздался голос с требованием установить цензуру над «*Neue Zeit*». Что это — призыв диктатуры фракции времен исключительного закона (диктатуры, которая была тогда необходима и превосходно проводилась) или это воспоминания о бывшей строгой организации фон Швейцера? Это в самом деле блестящая мысль — после освобождения немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов подчинить ее новому закону против социалистов, который сами социал-демократические партийные органы должны сфабриковать и проводить в жизнь. Впрочем, сама природа позаботилась о том, чтобы деревья не росли до небес*.

Статья в «*Vorwärts*» меня мало трогает³⁰. Я выжду, пока Либкнехт расскажет всю историю по-своему, и тогда, пожалуй, отвечу сразу и на то и на другое, по возможности в дружественном тоне. В статье в «*Vorwärts*» придется только исправить некоторые неправильные утверждения (например, что мы будто бы не желали объединения, что события якобы доказали неправоту Маркса и т. д.) и подтвердить то, что само собой разумеется. Этим ответом я, со своей стороны, думаю закончить дискуссию, если только новые нападки или неправильные утверждения не вынудят меня к дальнейшим шагам.

Скажи Дицу, что я занят подготовкой «Происхождения»**. Но вот сегодня пришло письмо от Фишера, который тоже хочет получить от меня три новых предисловия³¹!

Твой Ф. Э.

*Впервые опубликовано
на русском языке в журнале
«Большевик» № 22, 1931 г.*

*Печатается по тексту Сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса,
т. 38, с. 30–33.*

* В оригинале немецкая поговорка (Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen), близкая по смыслу русским пословицам: «руки коротки», «выше головы не прыгнешь». *Ред.*

** — четвертого немецкого издания работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа К. Маркса «Критика Готской программы» была впервые издана Ф. Энгельсом в 1891 г. под названием «Замечания к программе Германской рабочей партии». В работе содержался критический разбор проекта программы будущей объединенной социал-демократической партии, подготовленный к объединительному съезду эйзенахцев (см. примеч. 14) и Всеобщего германского рабочего союза (лассальянцев) в Готе.

Всеобщий германский рабочий союз, созданный в 1863 г., был общегерманской политической организацией рабочего класса, но находился под влиянием оппортунистических воззрений Лассалья и его последователей, стремившихся направить рабочее движение на реформистский путь, поддерживавших проводившуюся Бисмарком политику объединения Германии сверху и пытавшихся войти в соглашение с ним.

Под влиянием объединительных стремлений немецких рабочих и разочарования рядовых членов лассальянской организации в догмах и тактике своих лидеров в 1875 г. на съезде в Готе было осуществлено объединение обоих направлений в единую партию, называвшуюся до 1890 г. Социалистической рабочей партией Германии. Этим был преодолен раскол в рядах немецкого рабочего класса. Однако принятая Готским съездом программа объединенной партии содержала серьезные ошибки и уступки лассальянству, за что была подвергнута Марксом и Энгельсом резкой критике. Идеальный компромисс, допущенный в Готе, способствовал в дальнейшем усилению оппортунистических элементов в немецкой социал-демократии.

При опубликовании «Критики Готской программы» Энгельсу пришлось согласиться на смягчение некоторых наиболее резких мест. В настоящем издании документ печатается в соответствии с рукописью Маркса.

² Данное предисловие Энгельс написал в связи с публикацией им работы К. Маркса «Критика Готской программы» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 9–32*). Предпринимая публикацию этого важнейшего программного документа научного коммунизма, являвшегося в то время образцом борьбы против оппортунизма, Энгельс стремился нанести удар активизировавшимся оппортунистическим элементам в германской социал-демократии, что было особенно важно в момент, когда партии предстояло обсудить и принять на Эрфуртском съезде новую программу

взамен Готской. При опубликовании «Критики Готской программы» Энгельсу пришлось преодолеть известное противодействие со стороны руководителей германской социал-демократии. Сделанные им при этом небольшие купюры и замена наиболее резких выражений другими формулировками были в значительной степени вызваны позицией издателя журнала «Neue Zeit» Дица и редактора К. Каутского. После публикации работы она была неодобрительно встречена социал-демократической фракцией германского рейхстага и редакцией газеты «Vorwärts». В то же время, как и предвидел Энгельс, работа Маркса с удовлетворением была принята как в самой германской партии, так и социалистами других стран, которые рассматривали ее как программный документ для всего международного социалистического движения.

При жизни Энгельса «Критика Готской программы» и его предисловие к ней не переиздавались. Полный текст «Критики Готской программы» впервые был опубликован в 1932 г. в СССР в переводе с копии, сделанной Л. Каутской. В т. 19 Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса работа впервые опубликована по полученной Институтом марксизма-ленинизма рукописи самого Маркса.

³ Съезд германской социал-демократии в Галле 12—18 октября 1890 г. был первым съездом после отмены исключительного закона против социалистов. (Имеется в виду исключительный закон против социалистов, введенный в Германии 21 октября 1878 г. По этому закону были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература, социал-демократы подвергались репрессиям. Под напором массового рабочего движения закон был отменен 1 октября 1890 г.) По предложению В. Либкнехта съезд принял решение о подготовке к следующему партийному съезду в Эрфурте проекта новой программы и опубликовании его за три месяца до съезда в целях обсуждения в местных партийных организациях.

⁴ Гаагский конгресс Международного Товарищества Рабочих состоялся 2—7 сентября 1872 г. Работой конгресса руководили Маркс и Энгельс. На конгрессе получила завершение многолетняя борьба Маркса, Энгельса и их соратников против мелкобуржуазного сектантства и реформизма в рабочем движении. Раскольническая деятельность анархистов была осуждена, и их лидеры исключены из Интернационала. Решения Гаагского конгресса заложили

фундамент для создания в будущем. самостоятельных политических партий рабочего класса в различных странах.

⁵ Имеется в виду авторизованный французский перевод первого тома «Капитала», вышедший выпусками в 1872–1875 гг. в Париже.

⁶ Речь идет о втором издании работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 423–491), вышедшем в Лейпциге в 1875 г.

⁷ Имеется в виду следующее выражение из вводной части Общего Устава Международного Товарищества Рабочих: «экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 445).

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 445. Цитата приведена Марксом с некоторыми изменениями.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 434.

¹⁰ Речь идет о высказываниях Ф. А. Ланге в его книге «Die Arbeiterfrage in ihrer Bedeutung für Gegenwart und Zukunft» (Duisburg, 1865, S. 144–161, 180) (Рабочий вопрос и его значение для современности и будущего. Дуйсбург, 1865, с. 144–161, 180).

¹¹ «L'Atelier» («Мастерская») — ежемесячный французский журнал, издававшийся в Париже с 1840 по 1850 г.; пропагандировал идеи христианского социализма.

¹² «Культуркампф» («Борьба за культуру») — название, данное буржуазными либералами системе законодательных мероприятий правительства Бисмарка в 70-х гг. XIX в., проводимых под флагом борьбы за светскую культуру и против католической церкви и партии центра, которые поддерживали сепаратистские антипруссские тенденции в католических районах Пруссии и государствах юго-западной Германии.

¹³ Письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18–28 марта 1875 г., тесно примыкающее по своему содержанию к написанной К. Марксом «Критике Готской программы», выражало общее мнение Маркса и Энгельса относительно намечавшегося в начале 1875 г. объединения двух немецких рабочих партий — эйзенахцев и лассальянцев. Непосредственным поводом к написанию письма было появление 7 марта 1875 г. в газетах «Der Volksstaat» и «Neuer Social-Demokrat» проекта программы будущей объединенной социал-демократической рабочей партии Германии. Этот проект, содержащий целый ряд ложных антинаучных положений и уступок лассальянству, был принят лишь с небольшими изменениями на объединительном съезде в Готе в мае 1875 г. и в дальнейшем был известен под названием Готской программы.

Маркс и Энгельс, относясь положительно к объединению обеих рабочих партий, считали, однако, что объединение должно быть достигнуто на принципиально здоровой основе, без уступок в теоретических и политических вопросах лассальянцам, терявшим свое влияние в рабочих массах. В письме к Бебелю, предназначавшемся для руководства эйзенахцев, являвшихся сторонниками марксизма, Энгельс подвергает критике проект Готской программы и предупреждает эйзенахцев против уступок лассальянцам. Письмо было впервые опубликовано только 36 лет спустя в книге Бебеля «Aus meinem Leben» (Teil 2, Stuttgart, 1911) (Из моей жизни, ч. 2, Штутгарт, 1911).

¹⁴ В Эйзенахе на общенемецком съезде социал-демократов Германии, Австрии и Швейцарии 7–9 августа 1869 г. была учреждена немецкая Социал-демократическая рабочая партия, известная в дальнейшем как партия эйзенахцев.

¹⁵ *Немецкая народная партия*, созданная в 1865 г., состояла из демократических элементов мелкой буржуазии и отчасти буржуазии главным образом южногерманских государств; выступала за объединение страны на федеративной основе и против установления гегемонии Пруссии в Германии.

¹⁶ «Der Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. Общее руководство газетой осуществлял В. Либкнехт. Маркс и Энгельс систематически печатали в ней свои

статьи и снабжали ее материалами. Газета сыграла значительную роль в деле распространения марксизма.

¹⁷ «*Frankfurter Zeitung und Handelsblatt*» («Франкфуртская газета и торговый листок») — ежедневная газета мелкобуржуазно-демократического направления; выходила с 1856 (под данным названием с 1866) по 1943 г.

¹⁸ Речь идет о следующих пунктах проекта Готской программы:

«В качестве свободной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех мужчин, начиная с 21 года, на всех выборах в государстве и общине.
2. Прямого народного законодательства с правом вносить и отвергать предложения.
3. Всеобщего военного обучения. Народного ополчения взамен постоянного войска.
- Предоставления решения вопроса о войне и мире народному представительству.
4. Отмены всех исключительных законов, в особенности законов о печати, союзах и собраниях.
5. Народного суда. Бесплатного судопроизводства.

В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и равного для всех народного воспитания через посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения.
2. Свободы науки. Свободы совести».

¹⁹ *Лига мира и свободы* — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 г. в Швейцарии мелкобуржуазными республиканцами и либералами.

²⁰ Имеются в виду антивоенные выступления немецких рабочих во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Характеристику этой войны см. в работе Энгельса «Роль насилия в истории» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 454—458).

²¹ Имеется в виду отдел седьмой первого тома «Капитала» «Процесс накопления капитала» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 576—784).

²² Bracke W. Der Lassalle'sche Vorschlag. Braunschweig, 1873 (Бракке В. Предложение Лассаля. Брауншвейг, 1873).

²³ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 65—185).

²⁴ Имеется в виду книга М. А. Бакунина «Государственность и анархия». Введение, ч. I. Женева, 1873.

«*Demokratisches Wochenblatt*» («Демократический еженедельник») — немецкая рабочая газета; под этим названием издавалась в Лейпциге с января 1868 по сентябрь 1869 г. под редакцией В. Либкнехта. С конца августа 1869 г. выходила два раза в неделю. Газета сыграла значительную роль в создании немецкой Социал-демократической рабочей партии. На Эйзенахском съезде в 1869 г. газета была объявлена центральным органом Социал-демократической рабочей партии и переименована в «*Volksstaat*» (см. примеч. 16). В газете сотрудничали Маркс и Энгельс.

²⁵ Энгельс перечисляет социал-демократические газеты, в которых были помещены корреспонденции, одобрявшие в основном публикацию работы Маркса «Критика Готской программы».

В корреспонденции из Берлина, напечатанной в венской «*Arbeiter-Zeitung*» № 6, 6 февраля 1891 г., сообщалось, что в Германии Энгельсом опубликован документ огромного теоретического и практического значения — «Критика Маркса принятой на Готском съезде в 1875 г. программы германской партии. Автор корреспонденции отметил заслугу Энгельса, что он «опубликовал ее именно теперь, когда настало время с полной ясностью и без всяких компромиссов сформулировать теоретические основы нашей партии».

«*Sächsische Arbeiter-Zeitung*», перепечатав работу Маркса в № 30, 31, 33 и 35; 6, 7, 10 и 12 февраля 1891 г., предположила ей редакционное примечание, отметив в нем особое значение этого программного письма для германской социал-демократии.

В «*Züricher Post*» № 34, 10 февраля 1891 г. была напечатана передовая статья «*Hängen und Würgen*» («Мучительные усилия»), в которой подчеркивалось, что опубликование работы Маркса свидетельствует о силе и боеспособности германской социал-демократии, стремящейся с присущей ей объективностью и самокритикой уяснить цели своей борьбы. Автором статьи был Франц Меринг.

²⁶ Перепечатав в «*Neue Zeit*» (Bd. I, № 21, 1890—1891 гг.) передовую статью из газеты «*Vorwärts*» № 37, 13 февраля 1891 г. (см. примеч. 30), редакция журнала, кроме вводных слов, дала следующее примечание: «Мы не считали себя обязанными выносить

письмо Маркса на обсуждение социал-демократической фракции. Ответственность за его публикацию несем только мы».

²⁷ Имеется в виду доклад В. Либкнехта о программе германской социал-демократии, с которым он выступал на съезде партии, состоявшемся в Галле 12–18 октября 1890 года. При анализе Готской программы Либкнехт использовал некоторые положения из известной ему рукописи Маркса об этой программе, не упоминая при этом имени автора.

По предложению Либкнехта съезд принял решение о подготовке к следующему партийному съезду в Эрфурте проекта новой программы и публикации его за три месяца до съезда с целью обсуждения в местных партийных организациях и печати.

²⁸ Имеется в виду попытка со стороны руководителей германской социал-демократии задержать тираж № 18 журнала «Neue Zeit», в котором была напечатана работа Маркса «Критика Готской программы» (см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 21 и 77).

Закон против социалистов, поставивший социал-демократическую партию в нелегальное положение, был введен правительством Бисмарка при поддержке большинства рейхстага 21 октября 1878 г. в целях борьбы против социалистического и рабочего движения. Действие закона продлевалось каждые 2–3 года. Под давлением массового рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен 1 октября 1890 года.

²⁹ Имеется в виду бракоразводный процесс графини Софии Гацфельдт, который Лассаль вел в 1846–1856 годах. Чрезмерно преувеличивая значение этого судебного процесса в защиту члена старинной аристократической фамилии, Лассаль приравнивал его к борьбе за дело угнетенных.

³⁰ Имеется в виду передовая статья «Der Marx'sche ProgrammBrief» («Письмо Маркса о программе»), опубликованная в «Vorwärts» № 37, 13 февраля 1891 года. В ней социал-демократическая фракция рейхстага выражала несогласие с оценками Готской программы и роли Лассаля, данными в работе Маркса.

³¹ В своем письме от 20 февраля 1891 г. Р. Фишер писал Энгельсу о решении Правления партии переиздать работы Маркса «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал» и работу Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» и просил написать соответствующие предисловия.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ауэр (Auer), *Игнац* (1846—1907) — немецкий социал-демократ, по профессии седелщик; один из руководителей социал-демократической партии, неоднократно избирался депутатом рейхстага; позднее перешел на позиции реформизма.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер и публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; один из идеологов народничества и анархизма; в I Интернационале выступал как ярый враг марксизма, на Гаагском конгрессе в 1872 г. исключен из I Интернационала за раскольническую деятельность.

Бebelь (Bebel), *Август* (1840—1913) — выдающийся деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии токарь; с 1867 г. руководил Союзом немецких рабочих обществ, член I Интернационала; с 1867 г. депутат рейхстага, один из основателей и вождей германской социал-демократии, вел борьбу против лассальянства, во время франко-прусской войны стоял на позициях пролетарского интернационализма, выступал в поддержку Парижской Коммуны; делегат международных социалистических рабочих конгрессов 1889, 1891 и 1893 годов; друг и соратник Маркса и Энгельса; деятель II Интернационала, в 90-е годы и в начале XX в. выступал против реформизма и ревизионизма, допустив, однако, особенно в последний период своей деятельности, ряд ошибок центристского характера.

Беккер (Becker), *Бернхард* (1826—1882) — немецкий публицист и историк, лассальянец, позднее примкнул к эйзенахцам; делегат Гаагского конгресса Интернационала (1872).

Бисмарк (Bismarck), *Отто*, князь (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии, представитель прусского юнкерства; посол в Петербурге (1859—1862) и в Париже (1862), министр-президент Пруссии (1862—1871), канцлер Германской империи (1871—1890); осуществил объединение Германии контрреволюционным путем; ярый враг рабочего движения, автор исключительного закона против социалистов (1878).

Бракке (Bracke), *Вильгельм* (1842—1880) — немецкий социал-демократ, издатель социалистической литературы в Брауншвейге, один из основателей (1869) и руководителей Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), был близок к Марксу и Энгельсу; вел борьбу с лассальянством, выступал, хотя

и не достаточно последовательно, против оппортунистических элементов в социал-демократической партии.

Буше (Buche), *Филипп* (1796–1865) — французский политический деятель и историк, буржуазный республиканец, один из идеологов христианского социализма.

Газенклевер (Hasenclever), *Вильгельм* (1837–1889) — немецкий социал-демократ, оппортунист, в 1871–1875 гг. президент лассальянского Всеобщего германского рабочего союза.

Гассельман (Hasselmann), *Вильгельм* (род. в 1844 г.) — один из руководителей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, в 1871–1875 гг. редактор газеты «Neuer Social-Demokrat»; в 1880 г. исключен из германской социал-демократической партии как анархист.

Гацфельдт (Hatzfeldt), *Софья*, графиня (1805–1881) — друг и сторонница Лассаля.

Гёгг (Goeegg), *Амандус* (1820–1897) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в 1849 г. член баденского временного правительства; после поражения революции эмигрировал из Германии; в 70-х годах примкнул к германской социал-демократии.

Гейб (Geib), *Август* (1842–1879) — немецкий социал-демократ, книготорговец в Гамбурге; член Всеобщего германского рабочего союза; участник Эйзенахского съезда 1869 г. и один из основателей Социал-демократической рабочей партии, казначей партии (1872–1878), член рейхстага (1874–1877).

Гёте (Goethe), *Иоганн Вольфганг* (1749–1832) — великий немецкий писатель и мыслитель.

Гладстон (Gladstone), *Роберт* (1811–1872) — английский коммерсант, буржуазный филантроп, двоюродный брат Уильяма Гладстона.

Диц (Dietz), *Иоганн Генрих Вильгельм* (1843–1922) — немецкий социал-демократ, основатель социал-демократического издательства, с 1881 г. депутат рейхстага.

Каутский (Kautsky), *Карл* (1854–1938) — немецкий социал-демократ, публицист, редактор журнала «Neue Zeit» (1883–1917), в 80-х годах примкнул к марксизму, написал ряд работ по вопросам марксистской теории, которые, несмотря на допущенные в них ошибки, сыграли положительную роль в пропаганде марксизма; впоследствии целиком перешел на позиции оппортунизма и стал идеологом центризма в германской социал-демократии и II Интернационале; после Великой Октябрьской социалистической революции открыто выступал против диктатуры пролетариата и Советской власти.

Ланге (Lange), *Фридрих Альберт* (1828—1875) — немецкий буржуазный философ, неокантианец, враг материализма и социализма.

Лассаль (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный публицист, адвокат, в 1848—1849 гг. участвовал в демократическом движении Рейнской провинции; в начале 60-х годов примкнул к рабочему движению и явился одним из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863); поддерживал политику объединения Германии «сверху» — под гегемонией контрреволюционной Пруссии; положил начало оппортунистическому направлению в германском рабочем движении..

Либкнехт (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения; участник революции 1848—1849 гг., член Союза Коммунистов; член I Интернационала, вел борьбу против лассальянства за принципы Интернационала в немецком рабочем движении; с 1867 г. депутат рейхстага; один из основателей и вождей германской социал-демократии, редактор газет «Volksstaat» (1869—1876) и «Vorwärts» (1876—1878 и 1890—1900); во время франко-прусской войны стоял на позициях пролетарского интернационализма, выступал в поддержку Парижской Коммуны; в некоторых вопросах занимал примиренческую позицию по отношению к оппортунизму; делегат международных социалистических рабочих конгрессов 1889, 1891 и 1893 годов; друг и соратник Маркса и Энгельса.

Луи-Филипп (1773—1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830—1848).

Мальтус (Malthus), *Томас Роберт* (1766—1834) — английский священник, экономист, идеолог обуржуазившейся землевладельческой аристократии, апологет капитализма, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1851), французский император (1852—1870).

Прудон (Proudhon), *Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма.

Рамм (Ramm), *Герман* — немецкий социал-демократ, в 1875 г. член редакции газеты «Volksstaat».

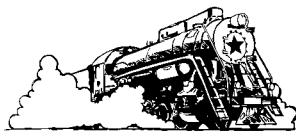
Рикардо (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.

Тёлке (Tolcke), *Карл Вильгельм* (1817–1893) — немецкий социал-демократ, один из руководителей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза.

Фишер (Fischer), *Рихард* (1855–1926) — немецкий социал-демократ, журналист, по профессии рабочий-наборщик; секретарь Правления партии (1890–1893).

Шекспир (Shakespeare), *Вильям* (1564–1616) — великий английский писатель.

Швейцер (Schweitzer), *Иоганн Баптист* (1833–1875) — один из видных представителей лассальянства в Германии, в 1864–1867 гг. редактор газеты «Social-Demokrat», президент Всеобщего германского рабочего союза (1867–1871); поддерживал проводимую Бисмарком политику объединения Германии «сверху» под гегемонией Пруссии; препятствовал присоединению немецких рабочих к I Интернационалу; вел борьбу против Социал-демократической рабочей партии; в 1872 г. исключен из Союза в результате разоблачения его связей с прусскими властями.

Оцифровано издательской группой
МЛРД «РАБОЧИЙ ПУТЬ»

СОДЕРЖАНИЕ

Фридрих Энгельс. Принципы коммунизма.....	3
К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии..	23
Предисловие к советскому изданию 1948 года.....	23
Предисловие к немецкому изданию 1872 года	24
Предисловие к русскому изданию 1882 года.....	25
Предисловие к немецкому изданию 1883 года	27
Предисловие к английскому изданию 1888 года	28
Предисловие к немецкому изданию 1890 года	33
Предисловие к польскому изданию 1892 года.....	38
Предисловие к итальянскому изданию 1893 года.....	39
Манифест Коммунистической партии	42
I. Буржуа и пролетарии	43
II. Пролетарии и коммунисты.....	55
III. Социалистическая и коммунистическая литература	63
1. Реакционный социализм	63
2. Консервативный, или буржуазный, социализм.....	69
3. Критически-утопический социализм и коммунизм.....	70
IV. Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям.....	73
К. Маркс. Критика Готской программы	75
Предисловие Ф. Энгельса	75
К. Маркс. Письмо В. Бракке	77
К. Маркс. Замечания к Программе Германской рабочей партии ..	79
Ф. Энгельс. Письмо А. Бебелю.....	99
Ф. Энгельс. Письмо Карлу Каутскому в Штутгарт.....	106
Примечания.....	109
Указатель имен	116

**МЛРД «РАБОЧИЙ ПУТЬ»
2019**